

**Международная Научно-Исследовательская Федерация
«Общественная наука»**

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных трудов

**по материалам
XXVI международной научной конференции**

31 мая 2017 г.

ЧАСТЬ 3

LJOURNAL.RU

Самара 2017

УДК 001.1
ББК 60

Т34

Тенденции развития науки и образования. Сборник научных трудов, по материалам XXVI международной научно-практической конференции 31 мая 2017 г. Часть 3 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2017. - 64с.

SPLN 001-000001-0145-LJ
DOI 10.18411/lj-31-05-2017
IDSP 000001:lj-31-05-2017

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на XXVI международную научно-практическую конференцию **Тенденции развития науки и образования**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Электронная версия сборника доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljournal.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0145-LJ

<http://ljournal.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ VIII. МЕДИЦИНА	5
Лебеденко А.А., Тараканова Т.Д., Семерник О.Е., Тюрина Е.Б. Эхокардиографические признаки кардиальных изменений у детей с бронхиальной астмой.....	5
Максимович Л.Г., Ковалева Ю.Л. Уменьшение выраженности болевого синдрома после тонзиллэктомии.....	7
Морозова Е.В. Использование биотестирования как интегрального метода оценки токсичности факторов окружающей среды	9
Морозова Е.В., Маль Г.С. Генетические аспекты нарушений липидного обмена и формирования ишемической болезни сердца.....	12
Скорляков В.В., Бабиев В.Ф., Кещян С.С. Синдром диссеминированного внутрисосудистого свёртывания в хирургической практике	17
Скорляков В.В., Бабиев В.Ф., Кещян С.С. Шейный лимфаденит: современные аспекты диагностики и лечения	20
Скорляков В.В., Бабиев В.Ф., Кещян С.С. Вегетативная дистония как предиктор развития хронической ЛОР патологии у больных гастроэзофагеальной рефлюксной болезнью	23
РАЗДЕЛ IX. ФИЛОСОФИЯ	26
Левчук А.Д. Русская цивилизация и Золотая Орда	26
РАЗДЕЛ X. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	29
Polukhina R. Principle of proportionality as a fundamental principle of the international and european law in the activity of the court of arbitration for sport	29
Вилитенко Т.О. Дифференциация уголовной ответственности за хищение чужого имущества.....	33

Дрожжин М.А. Исторические предпосылки формирования института репутационного вреда в России.....	35
Ключников С.О. Проблемные аспекты применения залога в банковской сфере.....	38
Кузнецов А.А. Отграничение мошенничества от смежных составов преступлений.....	41
Лебедева А.Н. К вопросу о понятии реального и консенсуального договора.....	45
Николаев А.Г. Субъекты органов внутренних дел и решаемые ими задачи в сфере охраны собственности.....	47
Слепкова О.В. Основания изменения и прекращения ипотеки жилых помещений.....	54
Токова М.Р. Борьба с рецидивом преступлений.....	57
Тулпаров Д.Х. Уголовно-правовые проблемы преступлений, связанных с организацией и участием в незаконных вооруженных формированиях.....	59
Цулукидзе А.Ю. Этнические проблемы суррогатного материнства.....	61

РАЗДЕЛ VIII. МЕДИЦИНА

Лебеденко А.А., Тараканова Т.Д., Семерник О.Е., Тюрина Е.Б.

Эхокардиографические признаки кардиальных изменений у детей с бронхиальной астмой

*Ростовский государственный медицинский университет
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-37

idsp: 000001:lj-31-05-2017-37

Бронхиальную астму (БА) принято считать болезнью преимущественно одной системы, однако, тесная анатомическая и функциональная взаимосвязь систем кровообращения и дыхания обуславливает изменения в каждой из них уже на ранних стадиях поражения другой [1, 2]. В патогенезе развития бронхиальной обструкции при обострении заболевания значительную роль играет состояние центрального и периферического отделов вегетативной нервной системы, но в то же время их функция чрезвычайно важна и в обеспечении процессов адаптации дыхательной и сердечно-сосудистой систем (ССС) ребенка с БА [3, 4]. Гипоксемия, развивающаяся при бронхообструкции, приводит к вазоконстрикции, запуская тем самым процессы ремоделирования сосудов в легких, впоследствии обуславливающего рост давления в легочных сосудах, легочной артерии (ЛА), а соответственно и в правых отделах сердца. Длительное негативное воздействие на правые отделы сердца постепенно вызывает развитие дисфункции правого желудочка (ПЖ), которая значительное время может не иметь клинических проявлений, а манифестировать лишь при декомпенсации сократительной функции миокарда. Значительное влияние на изменение морфометрической структуры сердечной мышцы оказывают нейрогуморальные факторы, запускающие процессы ремоделирования не только в сосудах, но и в миокарде левого желудочка [5, 6, 7]. Поэтому столь важно проводить исследование строения сердечно-сосудистой системы пациентов с БА на самых ранних этапах развития заболевания.

Цель работы: изучить морфометрические особенности структуры правых и левых отделов сердца у детей с бронхиальной астмой.

Материалы и методы. Проведено одномоментное обследование 60 детей в периоде обострения БА, из них 41 мальчик (68,3%) и 19 девочек (31,7%). Обследуемые были разделены на 2 группы: в 1-ю группу включены 30 пациентов в возрасте от 5 до 11 лет, 2-ю группу составили 30 подростков (от 12 до 17 лет). Легкая интермиттирующая астма отмечена у 44 (73,0%) больных, легкая персистирующая у 9 (15,3%) пациентов и среднетяжелая - у 7 (11,7%) обследуемых. Степень тяжести оценивали согласно Национальной программе «Бронхиальная астма у детей. Стратегия лечения и профилактика» (2014) [8]. Контрольную группу составили 40 человек, сопоставимых по полу и возрасту.

Всем детям проведено комплексное клиничко-лабораторное и инструментальное обследование. ЭхоКГ проводили на сканере VIVID-3 (General Electric, США) с использованием трансторакального матричного датчика 3,5 МГц в положении больного лежа на спине или на левом боку по стандартной методике. Морфометрические параметры правых и левых отделов сердца оценивались в двухмерном В- и одномерном М-режимах. Проводилось измерение следующих показателей: конечно-диастолического (КДР) и конечно-систолического (КСР) диаметров левого желудочка (ЛЖ), толщины межжелудочковой перегородки (МЖП) и задней стенки ЛЖ в диастолу (ЗСЛЖ), диаметра правого желудочка (ПЖ), левого предсердия (ЛП), восходящей аорты (Ао) и ствола легочной артерии (ЛА). Для оценки систолической функции определяли ударный объем

(УО) ЛЖ по формуле: КДО-КСО (в мл); минутный объем кровотока (МОК) по формуле: $МОК = УО \times ЧСС$ (в л/мин), а также рассчитывали фракцию выброса (ФВ) и фракцию укорочения (ФУ) ЛЖ по формулам Гейхольца.

Полученные данные обработаны с помощью программы Statistica 7.0. При нормальном распределении достоверность различий вычисляли по критерию Стьюдента ($p < 0,05$), в остальных случаях использовали непараметрический метод Манна-Уитни.

Результаты. Проведенный сравнительный анализ полученных морфометрических показателей, представленных в таблице 1, не выявил существенных отличий у пациентов с БА и детей контрольной группы, что подтверждает сведения о более позднем развитии морфологических изменений миокарда, формирующихся у больных с хронической бронхолегочной патологией.

Таблица 1

Морфометрические показатели сердца и сосудов у пациентов с бронхиальной астмой и детей контрольной группы ($M \pm Std.Err.$)

Показатели	Пациенты с БА 6-11 лет	Контрольная группа 6-11 лет	P	Пациенты с БА 12-18 лет	Контрольная группа 12-18 лет	P
Ао, см	1,47±0,03	1,49±0,04	0,679	1,82±0,04	1,78±0,04	0,489
ЛП, см	1,97±0,05	1,99±0,08	0,889	2,30±0,06	2,37±0,09	0,538
ПЖ, см	2,00±0,05	1,94±0,06	0,494	2,32±0,05	2,28±0,07	0,585
МЖП, см	0,69±0,02	0,66±0,02	0,270	0,75±0,02	0,79±0,02	0,205
КДР, см	3,82±0,12	3,75±0,09	0,669	4,54±0,11	4,29±0,10	0,108
ЗСЛЖ, см	0,71±0,02	0,69±0,02	0,366	0,76±0,02	0,81±0,03	0,164
КСР, см	2,21±0,08	2,27±0,06	0,615	2,91±0,08	2,63±0,09	0,022
ЛА, см	1,47±0,03	1,47±0,05	0,974	1,80±0,05	1,75±0,05	0,467
Брюшная Ао, см	1,08±0,02	1,12±0,03	0,284	1,39±0,04	1,35±0,02	0,428

Однако необходимо отметить, что выявлена тенденция к увеличению размеров ПЖ у всех обследованных больных в сравнении со здоровыми пациентами. Структурные изменения миокарда ПЖ являются ранними признаками ремоделирования сердечной мышцы, возникающими на фоне значительного повышения давления в малом круге кровообращения в периоде обострения заболевания. В ряде случаев расширение правых отделов сердца может сопровождаться дилатацией ствола (более 3,00 см) и ветвей ЛА, но проведенные нами эхокардиографические исследования не выявили существенных отличий у пациентов с БА и у детей контрольной группы ($p = 0,467$), при этом максимальные значения диаметра устья ЛА не превышали 1,85 см.

При анализе планиметрических параметров левых отделов сердца (ЛП, ЗСЛЖ, КСР, КДР) достоверно значимых отличий в группах обследованных пациентов не отмечалось ($p > 0,05$). Полученные данные свидетельствуют о том, что левые отделы сердца у пациентов с БА менее часто подвергаются структурным изменениям, тем не менее, неконтролируемое течение заболевания может привести к формированию кардиальных изменений. Это подтверждается тем, что у подростков с БА отмечено достоверно значимое увеличение КСР, по сравнению с контрольной группой ($p = 0,022$). Поэтому столь важно правильно подобрать бронхолитическую терапию, но и вовремя назначить противовоспалительные препараты [9, 10, 11], чтобы предотвратить развитие осложнений в будущем.

Заключение. Выявленные морфометрические особенности строения правых и левых отделов сердца позволяют трактовать их как предпосылки к ремоделированию миокарда у детей с БА. Своевременная диагностика данных нарушений позволяет на ранних этапах провести правильную коррекцию назначенной терапии для

предотвращения формирования «легочного» сердца у детей в будущем, уменьшив тем самым риск развития сердечной недостаточности.

1. Кадымов Н.В. Клинико-ультразвуковая характеристика сердечно-сосудистой системы при бронхиальной астме у детей: Автореф. дисс. канд. мед. наук. - М., 2009. – 16 с.
2. Лебеденко А.А., Тараканова Т.Д., Семерник О.Е. Состояние систолической и диастолической функции сердца у подростков с бронхиальной астмой в периоде обострения // Медицинский вестник Северного Кавказа. - 2015. - Т. 10, № 3. - С. 217 – 221.
3. Лебеденко А.А., Тараканова Т.Д., Козырева Т.Б. и др. Спектральный анализ variability сердечного ритма – новый взгляд на проблему вегетативной дисфункции у детей с бронхиальной астмой // Медицинский вестник Юга России. 2013. № 1. С. 37-41.
4. Семерник О.Е., Лебеденко А.А. Особенности вегетативного реагирования у детей с бронхиальной астмой в периоде обострения заболевания // Вестник Российской академии медицинских наук. - 2015. - Т. 70. № 2. - С. 222-226.
5. Лебеденко А.А., Семерник О.Е. Нейрогуморальные аспекты обострения бронхиальной астмы у детей // Пульмонология. 2013. № 5. С. 36-39.
6. Лебеденко А.А., Семерник О.Е., Тараканова Т.Д., Козырева Т.Б., Касьян М.С., Носова Е.В. Нейрогуморальные изменения в периоде обострения бронхиальной астмы у детей // Цитокины и воспаление. -2014.- Т. 13. № 3.- С. 113-114.
7. Семерник О.Е., Тараканова Т.Д., Лебеденко А.А. Кардиогемодинамические предпосылки ремоделирования миокарда у детей с бронхиальной астмой // Валеология. 2013. № 1. С. 48-54.
8. Национальная программа «Бронхиальная астма у детей. Стратегия лечения и профилактика». 4-е изд., перераб. и доп. М.: Оригинал-макет; 2014. – 184 с.
9. Лебеденко А.А. Клинико-фармакоэпидемиологический мониторинг и прогнозирование течения бронхиальной астмы у детей // автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук / Ростовский государственный медицинский университет. Ростов-на-Дону, 2012.
10. Лебеденко А.А., Семерник О.Е. Оптимизация бронхолитической терапии у детей с обострением бронхиальной астмы с учетом риска развития кардиогемодинамических нарушений // Экспериментальная и клиническая фармакология. - 2015. - Т. 78. - № 7. - С. 7-11.

Максимович Л.Г., Ковалева Ю.Л.

Уменьшение выраженности болевого синдрома после тонзиллэктомии

*МБУЗ ЦРБ Октябрьского района Ростовской области
(Россия)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-38

idsp: 000001:lj-31-05-2017-38

Двусторонняя тонзиллэктомия – одна из самых распространенных операций в оториноларингологической практике. В последние годы это вмешательство все чаще выполняется у детей и подростков [1], что обусловлено ростом числа постстрептококковых осложнений [2, 3], в том числе, паратонзиллярных абсцессов у больных младших возрастных групп.

Одна из серьезных проблем детской хирургии – послеоперационное обезболивание. Боль при глотании после двусторонней тонзиллэктомии возникает вследствие развития реактивного послеоперационного воспаления [4], сохраняется в течение нескольких дней и может не только существенно снизить качество жизни больного, но и привести к значительным нарушениям гомеостаза вследствие отказа ребенка от приема пищи и жидкости. Вместе с тем, следует отметить наличие ограничений при назначении анальгетиков, в частности, нестероидных противовоспалительных препаратов, ввиду повышения риска послеоперационных ранних и поздних кровотечений [5]. Все это является основанием для поиска новых методов предупреждения и лечения послеоперационной боли при операциях на лимфокольце глотки.

В литературе имеются указания на возможность уменьшения боли после тонзиллэктомии при интраоперационном применении фибринового клея [6, 7], охлаждении миндалинковых ниш [8], ушивании небных дужек [9].

Целью нашего исследования было изучение влияния ушивания небных дужек на выраженность послеоперационной боли и частоту послеоперационного кровотечения у больных, перенесших двустороннюю тонзиллэктомию.

Материал и методы исследования. В исследование было включено 36 больных, подвергнутых двусторонней тонзиллэктомии, среди которых было 8 детей в возрасте от 10 до 14 лет и 28 взрослых от 19 до 32 лет. Показаниями для операции было наличие хронического декомпенсированного тонзиллита. Критериями исключения было наличие сердечно-сосудистой, суставной и почечной патологии, наличие паратонзиллярного абсцесса в остром периоде, а также прием каких-либо лекарственных препаратов на регулярной основе.

Больные были разделены на 2 группы, по 18 человек в каждой. Больным первой группы в конце произведено ушивание миндалинковых ниш, вторая группа была контрольной. Фиксировали потребность в анальгетиках, сроки перехода на обычную пищу и наличие ранних и поздних послеоперационных кровотечений в течение 2 недель. Выраженность боли при глотании оценивали с применением визуально-аналоговой шкалы (ВАШ) по 10-бальной шкале в 1, 2, 4 и 7 день после операции. Результаты обрабатывали статистическими методами с использованием критерия χ^2 . Разница считалась достоверной при $p < 0,05$.

Результаты и их обсуждение.

Позднее послеоперационное кровотечение наблюдалось у 1 больного из контрольной группы ($p = 0,85$), различия между группами недостоверны.

Достоверной разницы в степени выраженности послеоперационной боли ($p = 0,79$) и количестве потребляемых больным анальгетиков в первую неделю после операции ($p = 0,69$) не выявлено.

Поиски средств уменьшения боли после тонзиллэктомии не прекращаются на протяжении нескольких десятилетий. С этой целью использовали интра- и послеоперационное назначение антибиотиков [10], стероидов [11], гомеопатических средств [12], фибринового клея. Данные об эффективности аппликации фибринового клея весьма противоречивы. Так, М.Н. Stevens et al. [7] отметили более короткие сроки реабилитации больных после хирургического вмешательства при применении фибринового клея, а М. Vaiman et al. [13] подтвердили этот эффект с помощью поверхностной электромиографии. В то же время S.J. Stoekli et al. [14], N. Segal et al. [15] не отметили достоверных различий в течении послеоперационного периода у больных с использованием фибринового клея по сравнению с контрольной группой. Также противоречивы данные о влиянии ушивания миндалинковых ниш [16].

По нашим данным, ушивание миндалинковых ниш во время выполнения двусторонней тонзиллэктомии не привело к уменьшению выраженности боли при глотании в послеоперационном периоде. Достоверных данных о снижении риска послеоперационных кровотечений при применении данной методики также не получено.

1. Бойко Н.В., Локшина Л.С., Сорока Г.Г., Бриж Ю.В., Сулина Н.Ю. Изменение подходов к лечению хронического тонзиллита в детском возрасте по материалам Ростовской ЛОР клиники. Вестник оторинолар. 2012; 5: 226.
2. Белов Б.С. Рациональная антимикробная терапия А-стрептококкового тонзиллита – основа первичной профилактики ревматической лихорадки. Современ. ревмат. 2011. № 1. С. 13-22.
3. Власова Т.М. Бойко Н.В., Рост числа постстрептококковых осложнений у больных хроническим тонзиллитом. Российская оториноларингология, 2015, № S1, С. 45-47.
4. Бойко Н.В., Бачурина А.С., Оксенюк О.С., Колмакова Т.С. Лечение после-операционного воспаления после тонзиллэктомии у детей. Педиатрия. Журнал им. Г.Н. Сперанского. 2016, т. 95, № 1. С. 93-96.

5. Бойко Н.В., Бачурина А.С., Жданов А.И. Профилактика послеоперационных кровотечений при аденотомии. *Рос. ринология* 2015; 23 (2): 26-30.
6. Gross C.W., Gallagher R., Schlosser R.J., Burks S.G., Flanagan H.L., Mintz P.D. Autologous fibrin sealant reduces pain after tonsillectomy, *Laryngoscope*. 2001. Vol. 111. N 2. P. 259—263.
7. Stevens M.H., Stevens D.C. Pain reduction by fibrin sealant in older children and adult tonsillectomy, *Laryngoscope*. 2005. Vol. 115, N 6. P. 1093—1096.
8. Shin J.M., Byun J.B., Baek B.J., Lee J.Y. Effect of cold-water cooling of tonsillar fossa and pharyngeal mucosa on post-tonsillectomy pain. *Am J of Otolaryngol*. 2014. V. 35, № 3. P. 353-356.
9. Genc E., Hanci D., Ergin N.T., Dal T. Can mucosal sealing reduce tonsillectomy pain? *Int. J. Pediatr. Otorhinolaryngol*. 2006. Vol. 70. P. 725–730.
10. Dhiwakar M., Eng C.Y., Selvaraj S., Mc Kerrow W.S. Antibiotics to improve recovery following tonsillectomy: a systematic review. *Otolaryngol Head Neck Surg*. 2006. Vol. 134, N 3. P. 357—364.
11. Al-Shehri A.M. Steroid therapy for post-tonsillectomy symptoms in adults: a randomized, placebo-controlled study. *Ann Saudi Med*. 2004. Vol. 24. N 5). P. 365—367.
12. Robertson A., Suryanarayanan R., Banerjee A. Homeopathic *Arnica montana* for post-tonsillectomy analgesia: a randomized placebo control trial. *Homeopathy*. 2007. Vol. 96, N 1. P. 17—21.
13. Vaiman M., Krakovski D., Gavriel H. Fibrin sealant reduces pain after tonsillectomy: prospective randomized study. *Ann Otol Rhinol Laryngol*. 2006. Vol. 115, 7. P. 483—489.
14. Stoeckli S.J., Moe K.S., Huber A., Schmid S. A prospective randomized double-blind trial of fibrin glue for pain and bleeding after tonsillectomy, *Laryngoscope*. 1999. Vol. 109, N4. P. 652—655.
15. Segal N., Puterman M., Rotem E., Niv A., Kaplan D., Kraus M., Brenner H., Nash M., Tal A., Leiberman A. A prospective randomized double-blind trial of fibrin glue for reducing pain and bleeding after tonsillectomy. *Int. J. of Pediatric Otorhinolar*. 2008. Vol. 72. P. 469—473.
16. Matt B.H., Krol B.J., Ding Y., Juliar B.E. Effect of tonsillar fossa closure on postoperative pain and bleeding risk after tonsillectomy. *Int. J. of Pediatric Otorhinolar*. 2012. Vol. 76. P. 1799–1805.

Морозова Е.В.

Использование биотестирования как интегрального метода оценки токсичности факторов окружающей среды

*Курский государственный медицинский университет
(Россия, Курск)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-39

idsp: 000001:lj-31-05-2017-39

Многообразные загрязняющие вещества, попадая в окружающую среду, могут претерпевать различные изменения, при этом усиливая свое токсическое действие. Это служит толчком для разработки новых, интегральных методов оценки контроля качества ряда объектов окружающей среды, в том числе воды, воздуха и почвы, позволяющих оценить их качество и возможную опасность различных источников загрязнения.

Традиционная эколого-гигиеническая оценка химического загрязнения объектов окружающей среды, основанная на санитарно-химических анализах, нашла широкое применение в практике. Однако, в связи с появлением новых токсичных веществ, она не дает полного представления об опасности объектов окружающей среды. В связи с этим представляется необходимым разработку новых методов оценки токсичности. С этой целью и распространяется практика биотестирования на тест-объектах для характеристики оценки токсического эффекта.

Биотестирование (англ. bioassay) — процедура установления токсичности среды с помощью тест-объектов, сигнализирующих об опасности независимо от того, какие вещества и в каком сочетании вызывают изменения жизненно важных функций у тест-объектов.

Поиск исторических корней применения биотестирования уводит нас в период античности, когда во дворцах тиранов, опасавшихся отравления, всю пищу пробовали специальные служители. В средние века эта традиция отнюдь не была забыта. Становление гуманистического мировоззрения в эпоху Ренессанса способствовало тому, что со временем на эксперименты на живых людях был введен социальный запрет. Но,

несмотря на то что развитие науки ввело в арсенал исследователей множество новых аналитических методов, разнообразные эксперименты на человеке проводили вплоть до настоящего времени, особенно широко - в Германии в период Второй мировой войны. Проводят их и до сих пор, например, в качестве последней стадии при испытании новых лекарственных препаратов на группах добровольцев. Использование в экспериментах различных животных также имеет богатые традиции. Тем не менее, отношение к животным постепенно менялось. В XIX веке эти изменения нашли свое осмысление и философское выражение, в частности, в этическом направлении утилитаризма Иеремии Бентама, который полагал, что животные способны испытывать отрицательные эмоции, и считал, что человек должен стремиться к уменьшению их страданий. Получивший дальнейшее развитие в XX веке плюралистический утилитаризм, ставя ценность человеческой жизни выше ценности жизни животных, тем не менее, проводит различие между животными, стоящими на различных уровнях организации, и обосновывает необходимость постановки экспериментов преимущественно на низкоорганизованных лабораторных животных. Сейчас в России и за рубежом для биотестирования в основном используются различные простейшие микроорганизмы (инфузории, гидробионты, фотобактерии и др.).

В выявлении антропогенного загрязнения среды наряду с химико-аналитическими методами используются методы биотестирования. Живые организмы способны воспринимать более низкие концентрации веществ, чем любой аналитический датчик, в связи с чем биота может быть подвержена токсическим воздействиям, не регистрируемым техническими средствами. Биотестирование представляет собой методический прием, основанный на оценке действий факторов окружающей среды, в том числе и токсического, на организм, его отдельную функцию или систему органов и тканей. Кроме выбора биотеста существенную роль играет выбор тест-реакции - того параметра организма, который собственно и измеряется при тестировании.

Наиболее информативны интегральные параметры, характеризующие общее состояние живой системы соответствующего уровня. Для отдельных организмов к интегральным параметрам относят характеристики выживаемости, роста, плодовитости, тогда как физиологические, биохимические, гистологические и прочие параметры относят к частным. Для популяций интегральными параметрами являются численность и биомасса, а для экосистем - характеристики видового состава, активности продукции и деструкции органического вещества.

С увеличением интегральной тест-реакции повышается "экологический реализм" теста, но обычно снижаются его оперативность и чувствительность. Функциональные параметры оказываются более лабильными, чем структурные, а параметры клеточного и молекулярного уровней проигрывают в отношении экологической информативности, но выигрывают в отношении чувствительности, оперативности и воспроизводимости.

Для примера приведем биотестирование, в котором в качестве тест-системы берем инфузорию. Этот метод является наиболее простым, доступным для практических лабораторий и наиболее чувствительным.

В литературе есть упоминания об использовании в качестве тест-объектов нескольких десятков инфузорий, из которых у нас наиболее часто применяют 2 вида: *Paramecium caudatum* и *Tetrahymena pyriformis*. Кроме того, используют также представителей родов *Stylonychia* и *Colpoda*

Суть метода заключается в том, что на культуру инфузорий в оптической кювете наслаивают исследуемый субстрат в жидкой фазе. Инфузории, обладая высокой подвижностью, могут свободно мигрировать из одной фазы в другую, но присутствие в верхней фазе токсических веществ сдерживает этот процесс (отрицательный хемотаксис). Через некоторое время устанавливается равновесие по концентрации инфузорий между верхней и нижней фазой, причем концентрация их в верхней фазе зависит от концентрации в ней токсического вещества. Через тридцать минут концентрацию

инфузорий в верхней фазе измеряют прибором БИОТЕСТЕР и сравнивают с концентрацией в контроле (водопроводная вода). Результат выражается в виде безразмерной величины – индекса токсичности по разнице концентраций инфузорий в верхних фазах опыта и контроля.

Установлено, что на разных фазах роста культура инфузорий обладает разной чувствительностью к воздействию токсических веществ, и эти различия могут быть весьма существенными. Поэтому для получения однозначного и объективного ответа культуру инфузорий берут на одной фазе роста (стационарная фаза).

В нашей лаборатории также присутствует оборудование для биотестирования. Прибор экологического контроля "Биотокс-10М" предназначен для быстрого количественного контроля степени интегральной токсичности проб воды и водных вытяжек, спиртов, воздушной среды, почвы, а также отдельных химических соединений, материалов, включая полимеры, для медицинских, санитарно-гигиенических и экологических целей. В основу работы прибора положен биолюминесцентный анализ.

Принцип работы прибора «Биотокс-10М» заключается в регистрации слабого свечения высокочувствительного биосенсора «Эколюм» (ТУ 6-09-20-236-01). Изменение свечения проявляется в процессе биолюминесцентной реакции на наличие токсичных химических веществ в водном растворе.

Для измерения токсичности используется сравнительный анализ интенсивности свечения водного раствора контрольного биосенсора и биосенсора с пробой. В процессе измерения используются две пробирки – одна с дистиллированной водой, выступающая в качестве эталона, другая – с исследуемой пробой. В обе пробирки добавляется приготовленный раствор биосенсора, и они поочередно вставляются в кюветное отделение прибора.

Свечение биосенсора регистрируется с помощью фотоэлектронного умножителя (ФЭУ), работающего в режиме счёта анодных импульсов. Сигнал формируется в виде последовательности отдельных импульсов тока, снимаемых с анода ФЭУ. Частота следования импульсов пропорциональна интенсивности люминесценции. Изменение интенсивности биолюминесценции пропорционально токсическому эффекту.

Спектральный диапазон длин волн регистрируемого свечения составляет 300-600нм. Область максимальной спектральной чувствительности ФЭУ располагается в диапазоне 380-490нм.

Уровень собственных шумов прибора (частота следования импульсов при отсутствии источника светового сигнала в кюветном отделении), не должен превышать 200имп./сек. В технических характеристиках этот параметр называется уровнем шумов нулевого сигнала (X_0). Измеряемый диапазон интенсивности свечения биосенсора от X_0 (200имп./сек.) до 999999имп./сек.

Величина измеряемой токсичности от 1 до 99. По величине индекса токсичности (Т), анализируемые пробы классифицируются на три группы, что позволяет сделать вывод о степени токсичности пробы:

1. Т меньше 20 - образец не токсичен (допустимая степень токсичности)
2. Т от 20 до 50 - образец токсичен
3. Т равно или больше 50 - образец сильно токсичен.

В дальнейшем мы планируем изучение различных методик измерения интегральной токсичности с помощью прибора "Биотокс 10М" и их внедрение в обиход нашей лаборатории.

1. Бубнов А.Г. и др. Биотестовый анализ - интегральный метод оценки качества окружающей среды: учебно-методическое пособие / под общей редакцией В.И. Гриневича; ГОУ ВПО Иван. гос. хим.-технол. ун-т. Иваново. 2007. 112 с.

2. Виноходов Д.О. Научные основы биотестирования с использованием инфузорий: диссертация ... доктора биологических наук : 03.00.23 / Виноходов Дмитрий Олегович; Санкт-Петербург, 2007. 353 с.: ил. РГБ ОД, 71 07-3/346
3. Евгеньев М.И. Тест-методы и экология //Соросовский образовательный журнал. 1999. №11. С. 29-34
4. Мелехова О.П., Егорова Е.И. и др. Биологический контроль окружающей среды: биоиндикация и биотестирование: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений // М.: Издательский центр "Академия". 2007. 288 с.
5. Руководство по эксплуатации прибора "Биотокс 10М"

Морозова Е.В., Маль Г.С.

Генетические аспекты нарушений липидного обмена и формирования ишемической болезни сердца

*Курский государственный медицинский университет
(Россия, Курск)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-40

idsp: 000001:lj-31-05-2017-40

В настоящее время наиболее широко распространена система взглядов на развитие ИБС как МФЗ, обусловленного сложным взаимодействием генетических и средовых факторов, от взаимодействия которых зависят длительность латентного периода, сроки клинической манифестации, течение и прогноз заболевания. Сложный механизм формирования клинического фенотипа ИБС обусловлен большим количеством генов, вовлеченных в патогенез. Из 40000 генов, представленных в геноме человека, более половины (>25000) лежат в основе функционирования сердечно-сосудистой системы. Гены, детерминирующие физиологический признак и вследствие полиморфизма которых может возрасти риск заболевания, называют генами-кандидатами. К ним относят гены ионных каналов, эндотелинов, каллекреинкининового пути, молекул адгезии, факторов роста и гормонов, тромбосанов, простагландинов, гены ренин-ангиотензиновой системы, NO-синтазы, аполипопротеинови ферментов метаболизма липидов.

Основным белком, участвующим в метаболизме липидов и обеспечивающим обратный транспорт ХС, является БПЭХ, который осуществляет перенос ЭХ от ХС ЛВП к атерогенным ЛП (ХС ЛПП, ХС ЛОНП, ХС ЛНП), что ведет к снижению уровня ХС ЛВП. В то же время происходит обратный перенос ТГ в направлении от ХС ЛНП, ХС ЛОНП к ХС ЛВП.

БПЭХ, как участник липидного обмена, обладает двойственной функцией и может проявлять как анти-, так и проатерогенные свойства. Во-первых, проатерогенные свойства БПЭХ выражаются в снижении переноса ЭХ от ХС ЛВП к печеночному рецептору В1 (SR-B1) по прямому пути обратного транспорта холестерина (reversecholesteroltransport – RST), и в увеличении тока ЭХ через атерогенные ХС ЛОНП, ХС ЛПП и ХС ЛНП. Таким образом, эти частицы переносят большее количество ЭХ, что, потенциально, приводит к увеличению содержания ХС в периферических тканях и артериальной стенке. Во-вторых, при постпрандиальной гипертриглицеридемии активируется перенос ТГ от ХС ЛОНП к ХС ЛВП, что ведет к образованию обогащенных ТГ ХС ЛВП с последующей редукцией их размера и интенсивной экскрецией почками. Тем не менее, БПЭХ может проявлять антиатерогенные свойства, т.к. содействует передачи ЭХ к печени через не прямой путь RST, осуществляемый преимущественно через активацию печеночного ХС ЛНП-рецептора. Направленность и степень влияния БПЭХ на липидный обмен зависят не только от корректируемых факторов, таких как, например, концентрация свободных жирных кислот, образованных в результате гидролиза пищевых ТГ, но и генетически детерминированы.

Ген, БПЭХ (СЕТР), клонированный Драуна, D. и Lawn, R. M (1987), локализуется на 16 хромосоме (16q21), включает 16 экзонов и 15 интронов. Крупномасштабные геномные исследования обнаружили более значимую корреляцию между

полиморфизмами гена CETP и концентрацией ХС ЛВП, чем среди других локусов. Одним из частых аллельных вариантов гена CETP является замена гуанина (G) на аденин (A) в положении 279 интрона 1 – TaqIB (rs708272) полиморфизм. Часто встречающийся аллель G (наличие сайта рестрикции – «B1») связан с более высокой активностью CETP в сравнении с редким Аллелем (отсутствие сайта рестрикции – «B2»). Носительство редкого мутантного Аллеля ведет к снижению активности CETP, что проявляется в повышении уровня ХС ЛВП, и, потенциально, рассматривается как антиатерогенное влияние. Так, генотип AA полиморфизма TaqIB гена CETP ассоциирован с высоким уровнем ХС ЛВП и более благоприятным липидным профилем **в европеоидной популяции Западной Сибири.** Z. Wu и Y. Lou (2014) провели мета-анализ исследований, изучавших влияние полиморфизма TaqIB гена CETP на риск сердечно-сосудистых событий (ССС) у пациентов, страдающих ИБС, и завершившихся к июню 2013 года. Сорок семь исследований, из них 6 проспективных и 41 ретроспективных, с общим объемом более 50 000 человек из европейских и азиатских стран были включены в мета-анализ. При оценке связи между полиморфизмом TaqIB и риском ССС для каждого исследования использовалось тестирование генетических моделей. В целом носительство B2 аллеля продемонстрировало статистически значимое снижение риска ССС в сравнении с B1 аллелем (доминантная модель: $P < 0.0001$ отношение шансов (ОШ) = 0.85, 95% доверительный интервал (ДИ): 0.79– 0.91). Regielietal. (2008) продемонстрировали зависимость между носительством аллеля B2 и низкой эффективностью гиполипидемической терапии статинами у пациентов, страдающих ИБС. В то же время, PilloisXetal. (2009) в своем исследовании показали зависимость между носительством генотипа B2B2 у пациентов, не получавших статины, и частотой сердечно-сосудистой смерти в результате перенесенного острого коронарного синдрома. Авторы предположили, что лечение ингибиторами ГМГ-КоА-редуктазы может влиять на частоту смертельных событий у пациентов с ИБС в зависимости от генотипа. Несмотря на ряд положительных результатов, в исследованиях с использованием в качестве конечных точек оценку не только динамики показателей липидного обмена, но и диаметр просвета коронарных артерий, влияние генотипа TaqIB на эффективность терапии статинами остается спорным.

Не менее важным среди возможных генов-кандидатов в развитии ИБС является ген липопротеинлипазы (LPL). Активность фермента ЛПЛ направлена на расщепление ядра ХС ЛОНП за счет гидролиза ТГ и, как следствие их превращение в ХС ЛНП через стадию липопротеидов промежуточной плотности (ХС ЛПП). С другой стороны, гидролиз ХС ЛОНП и ХМ, ведет к передаче ТГ к ХС ЛВП, что увеличивает содержание последних. Кроме гидролитической активности, ЛПЛ связывает ЛП, что приводит к их фиксации в пределах сосудистой стенки и облегчает транспорт холестерина к тканям. Кроме того, молекулы ЛПЛ могут функционировать в качестве лигандов к рецепторам ЛП, облегчая их поглощение.

Ген LPL занимает 21.3 участок короткого плеча 8 хромосомы (8p22) содержит 10 экзонов. Одним из частых вариантов гена LPL является замена гуанина (G) на тимин (T) в положении 495 интрона 8, изменяющая сайт узнавания рестриктазой HindIII, так называемый HindIII (rs320) полиморфизм, влияющий на активность фермента. Часто встречающийся аллель G (наличие сайта рестрикции – «H +») связан с более низкой активностью ЛПЛ в сравнении с редким Аллелем (отсутствие сайта рестрикции – «H-»). Носительство T аллеля ассоциировано со снижением базального уровня ТГ и повышением уровня липопротеидов высокой плотности (ХС ЛВП) за счет большей активности ЛПЛ, что ассоциируется с меньшим риском развития ИБС. Эта закономерность подтверждена неоднократно в исследованиях, однако влияние генотипа на эффективность гиполипидемической терапии различными классами препаратов, в том числе статинами, как препаратами выбора, изучено недостаточно. Во-первых, проведено

небольшое количество проспективных исследований с целью определения генотипов, ассоциированных с измененным лекарственным ответом при применении статинов. Так, Javorský M.etal. (2007) выявили статистически значимое взаимодействие между полиморфизмом HindIII гена LPL и эффективностью лечения статинами. Тем не менее, влияние этого взаимодействия оказалось слабым в сравнении с эффектом «негенетических» факторов (пол, наличие сахарного диабета в анамнезе). Во-вторых, изучались статины первых поколений, такие как симвастатин, правастатин, аторвастатин.

Таким образом, участие ЛПЛ в процессах липидного обмена является многофункциональным и неоднозначным, может быть, как атерогенным, так и антиатерогенным, что зависит от полиморфных вариантов гена LPL, и определяющего превалирующее направление тех или иных процессов, а также резистентность к коррекции нарушений липидного обмена, гиполипидемической терапии, в частности.

Помимо этого, индивидуальную вариабельность лекарственного ответа при гиполипидемической терапии обуславливает ген, ответственный за продукцию NO-синтетазы (eNOS). NO синтезируется группой ферментов, включающей три изоформы, а именно нейрональную NO-синтазу (nNOS или NOS1), адаптивную NO-синтазу (iNOS или NOS2), и эндотелиальную NO-синтазу (eNOS или NOS3). Нейрональная и эндотелиальная NO-синтазы проявляют функциональную активность при субклеточной локализации в условиях нормального функционирования эндотелия, в то время как экспрессия адаптивной NO-синтетазы увеличивается в условиях оксидантного стресса.

Эндотелиальная NO-синтаза продуцирует NO в результате конверсии L-аргинина в L-цитруллин, что предполагает вовлечение никотинамидадениндинуклеотидфосфат (НАДФ) в качестве кофермента реакции. NO, как релаксирующий фактор эндотелиального происхождения, заслуживает особого внимания в этиологии ИБС. В норме NO постоянно высвобождается в незначительном количестве для поддержания кровеносных сосудов в состоянии дилатации. Дисбаланс в работе эндотелиальных клеток приводит к снижению продукции релаксирующих эндотелиальных факторов, а уровень образования сосудосуживающих факторов сохраняется или повышается, то есть возникает состояние, определяемое как дисфункция эндотелия, один из пусковых механизмов развития атеросклероза и атеротромбоза. На фоне этих процессов в сосудистой стенке и просвете сосуда происходит окисление ХС ЛНП и еще большая стимуляция ими синтеза вазоконстрикторов, которые действуют на гладкомышечные клетки, вызывая их сокращение, что ведет к дальнейшему нарастанию оксидантного стресса и, в конечном счете, приводит к угнетению функций эндотелиальной NO-синтетазы.

Изменение эндотелиальной NO-продукции связано не только с различными патологическими состояниями, в первую очередь с эндотелиальной дисфункцией (ЭД), но может быть и обусловлено наличием генетических вариантов гена, ответственного за синтез NO, через экспрессию фермента, и приводит к развитию ЭД в конечном итоге за счет системной гипертензии, повышенной склонности тромбоцитов к агрегации, развитию тромбозов и атеросклероза.

Ген eNOS, клонированный Marsden P. A. et al. (1993), занимает 35-36 участки в длинном плече 7 хромосомы (7q35-36), содержит 26 экзонов. Одним из наиболее частых полиморфизмов этого гена является –786T / C (rs2070744). Cattaruzza et al. (2004) исследовали влияние –786T / C полиморфизма на функциональную активность eNOS. Авторы обнаружили, что CC генотип был связан с дефицитом экспрессии NOS, и как следствие с дезадаптацией NO-опосредованной вазомоторной функции. Мета-анализ исследований, проведенный Casasetal., (2006), о роли аллельных вариантов eNOS в этиопатогенезе ИБС показал ОШ равное 1,17 (95% ДИ: 1,07, 1,28) для –786T / C полиморфизма. Крупномасштабные геномные исследования до сих пор не подтверждают роль гена в патогенезе ИБС, в то время как результаты на небольших выборках продолжают демонстрировать связь между аллельными вариантами eNOS, риском

развития ИБС и индивидуальной чувствительностью к гиполипидемической терапии. Так, одним из проявлений плеiotропных свойств статинов является повышение активности eNOS и увеличение продукции NO. По данным AbeKetal. (2005) флувастатин увеличивает уровень мРНК eNOS путем повышения как транскрипционной активности, так и стабильности мРНК у пациентов с –786С / С генотипом, что связано с уменьшением экспрессии гена, кодирующего репликативный белок А (RPA1). NagasakiSetal. (2006) изучали влияние полиморфизма на проявление плеiotропных эффектов статинами по уровню маркеров NO в плазме у здоровых людей, принимавших плацебо 14 дней, а затем аторвастатин 10мг/сутки 14 дней. Аторвастатин снижал концентрацию ХС независимо от генотипа, но концентрация нитритов цельной крови значительно возросла после приема аторвастатина только у субъектов с генотипом СС, но не с ТТ. Основываясь на этих результатах, авторы предположили, что полиморфизм Т-786С способен модулировать влияние аторвастатина на биодоступность оксида азота и СРО. По тому же дизайну Souza-CostaDCSetal. (2007) исследовали влияние Т-786С полиморфизма гена eNOS на выраженность плеiotропных противовоспалительных эффектов при приеме аторвастатина. Статистической значимости достигло снижение концентрации воспалительных маркеров (молекул адгезии сосудистого эндотелия 1 типа, sP-селектина и матриксной металлопротеазы 9) у пациентов с генотипом СС, но не с ТТ. Проведенные исследования имеют ряд ограничений: относительно малый объем (30), включение в исследование только здоровых лиц, короткий срок приема статина (14 дней), использование лишь одного представителя из группы ингибиторов ГМГ-КоА-редуктазы. Таким образом, влияние полиморфизма Т-786С гена eNOS на гиполипидемическую терапию нуждается в подтверждении для пациентов, страдающих ИБС в рамках проспективного исследования.

Так, в проспективном популяционном когортном Роттердамском исследовании статистически значимое влияние на гиполипидемическую терапию ZeeANMaitland-vanderetal. (2004) обнаружили в отношении полиморфизма гена, кодирующего АПФ (АСЕ). Резистентность к проводимой гиполипидемической терапии статинами у мужчин с генотипом DD послужило началом для интенсивного изучения функционирования ренин-ангиотензин-альдостероновой системы (РААС), которая отвечает за регуляцию тонуса кровеносных сосудов, поддержание водно-солевого гомеостаза, стимулирует пролиферацию гладкомышечных клеток сосудов и кардиомиоцитов.

АСЕ был клонирован Ehlersetal. (1989), занимает участок 23.3 длинного плеча 17 хромосомы (17q23.3). Инсерционно-делеционный полиморфизм АСЕ связан с инсерцией (I) или делецией (D) Alu-повтора размером 287 п. н. в интроне 16, ассоциирован с повышенным уровнем АПФ в плазме крови и развитием ИБС. У пациентов с делеционным генотипом DD уровень фермента в плазме крови в 2 раза выше, чем у пациентов с генотипом II, а пациенты с генотипом ID имеют промежуточный уровень фермента. Показано, что генотип DD АСЕ является потенциальным фактором риска для развития атеросклероза каротидных артерий с формированием гемодинамически значимых стенозов. Генетический полиморфизм лежит не только в основе патофизиологии заболеваний, но и может оказывать влияние на эффективность терапии за счет модификации метаболизма, всасывания, экскреции, изменения структуры и функции рецепторов, на которые воздействуют лекарства, в том числе статины, как препараты выбора при коррекции нарушений липидного обмена, причины развития атеросклероза.

BrayP. F. etal (2001) в исследовании случай-контроль 486 пациентов показали, что терапевтический эффект правастатина связан не только с полиморфизмом АСЕ. Кроме того, MarianA. J. etal (2000) получили результаты о большей эффективности использования флувастатина (снижение уровня ХС ЛНП и риска прогрессирования ИБС) у пациентов с генотипом DD. Однако, мета-анализ, проведенный G. Kitsios и E. Zintzaras

(2009), показал, что у пациентов с генотипом DD на фоне приема статинов обнаружен регресс атеросклеротической бляшки по данным ангиографического исследования, что, возможно, связано с большим снижением уровня ХС ЛНП. Таким образом, результаты проведенных за прошедшее десятилетие исследований противоречивы и включают анализ единичных препаратов группы ГМГ-КоА-редуктазы. Данные об эффективности розувастатина у пациентов, страдающих ИБС с атерогенными гиперлипидемиями, с учетом аллельных вариантов (I/D) ACE, в мировой литературе отсутствуют. Вопрос о влиянии инсерционно-делеционного полиморфизма ACE, на эффективность проводимого гиполипидемического вмешательства требует дальнейшего расширенного изучения.

Заключение:

1. Проводимые в мире экспериментальные, клинические и эпидемиологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что атерогенным ГЛП принадлежит одна из ведущих роль в развитии и прогрессировании атеросклеротического процесса.

2. Не вызывает сомнения необходимость фармакологической коррекции ГЛП в целях профилактики прогрессирования атеросклероза и его клинических проявлений с учетом индивидуальных особенностей организма.

3. Оптимизация фармакотерапии нарушений в липид-транспортной системе, несомненно, должна осуществляться с учетом фармакогенетических аспектов. Именно законы персонализированной медицины лежат в основе индивидуального подхода к лечению ГЛП у больных ИБС с учетом особенностей генетических факторов, что и явилось предметом настоящего исследования.

1. Вершинин, А.А. Клиническое течение ишемической болезни сердца и постинфарктное ремоделирование у больных с различными генотипами гена ангиотензин-превращающего фермента / Вершинин А.А., Мелентьев И.А., Малыгина Н.А. и др // Вестник РГМУ. — 2006. — № 3(50). — С. 9–15.
2. Корнева, В.А. Клиническое значение генетического полиморфизма геновангиотензин-превращающего фермента и апополипротеина е/Клинико-лабораторный консилиум. – 2010. - № 2–3 (33–34). – С. 51–56.
3. Королева О.С., Затейщиков Д.А., Сидоренко Б.А. Генетические аспекты индивидуальной чувствительности к статинам // Кардиология. — 2005. — № 5. — С. 60–70.
4. Шахтштейндер Е.В. Полиморфизм гена CETP в европеоидной популяции Западной Сибири и группах, контрастных по уровню общего холестерина сыворотки / Шахтштейндер Е.В. Куликов И.В. Максимов В.Н. // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины 2014. – №3. - С. 343–347.
5. Abdel-Aziz A. Angiotensin-I converting enzyme (ACE) insertion/deletion polymorphism in Egyptian patients with coronary artery disease / Abdel-Aziz A, Elsaid A, Elmougy R [et al] // International Journal of Biochemistry Research & Review. – 2012. – 2. – P. 106–199.
6. Aulchenko YS. Loci influencing lipid levels and coronary heart disease risk in 16 European population cohorts / Aulchenko YS, Ripatti S, Lindqvist I, Boomsma D. [et al.] // Nat Genet. – 2009. – 41 (1). – P. 47–55.
7. Azza K. Amer. Hindiii Polymorphism of Lipoprotein Lipase Gene and its Contribution to Coronary Artery Disease in Egyptians / Azza K. Amer, Manal S.Z. Moustapha, Mehry S. EL-Sobky [et al.] // Australian Journal of Basic and Applied Sciences. – 2010. – 4(12). – P. 6641–6646.
8. Bray PF. The platelet PI (A2) and angiotensin-converting enzyme (ACE) D allele polymorphisms and the risk of recurrent events after acute myocardial infarction / Bray PF, Cannon CP, Goldschmidt-Clermont P [et al] // Am J Cardiol. – 2001. – 88. – P. 347–352.
9. Drayna, D., Lawn, R. M. Multiple RFLPs at the human cholesteryl ester transfer protein (CETP) locus // Nucleic Acids Res. – 1987. – 15 (11). – P. 4698.
10. Dullaart RP, Sluiter WJ. Common variation in the CETP gene and the implications for cardiovascular disease and its treatment: an updated analysis // Pharmacogenomics. – 2008. – 9(6). – P. 747–63
11. Hewinga, B. Rationale for cholesteryl ester transfer protein inhibition / B. Hewinga, E.A. Fisher // Curr. Opin. Lipidol. – 2012. – Vol. 23, N 4. – P. 372–376.
12. Javorský M. Lipoprotein lipase HindIII polymorphism influences HDL-cholesterol levels instatin-treated patients with coronary artery disease / Javorský M, Gasperiková D, Ukropec J, Sedláková B, Riečanský I [et al.] // Wien Klin Wochenschr. – 2007. – 119(15–16). – P. 476–82.
13. Kathiresan S. Common variants at 30 loci contribute to polygenic dyslipidemia / Kathiresan S, Willer CJ, Peloso GM, Demissie S [et al.] // Nat Genet 2009. – 41 (1). – P. 56–65.
14. Marian AJ. Interactions between angiotensin-I converting enzyme insertion/deletion polymorphism and response of plasma lipids and coronary atherosclerosis to treatment with fluvastatin: the Lipoprotein and

- Coronary Atherosclerosis Study / Marian AJ, Safavi F, Ferlic L [et al.] // J Am CollCardiol. – 2000. – 35(1). – P. 89–95.
15. Rebhi, L. Six lipoprotein lipase gene polymorphisms, lipid profile and coronary stenosis in a Tunisian population / Rebhi L, Kchok K, Omezzine A [et al.] / Molecular Biology. – 2012. – 39. – P. 9893–9901.
16. Vecoli C. Endothelial Nitric Oxide Synthase Gene Polymorphisms in Cardiovascular Disease // Vitamins & Hormones. – 2014. – Vol. 96. – P. 387–406.
17. Wu, Z. Association of cholesteryl ester transfer protein (CETP) gene polymorphism, high-density lipoprotein cholesterol and risk of coronary artery disease: a meta-analysis using a Mendelian randomization approach / Z. Wu, Y. Lou, X. Qiu, Y. Liu [et al.] // BMC Medical Genetics. – 2014. – 15. – P. 118–135.

Скорляков В.В., Бабиев В.Ф., Кещян С.С.
Синдром диссеминированного внутрисосудистого свёртывания
в хирургической практике

*ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет»
Минздрава России
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-41

idsp: 000001:lj-31-05-2017-41

Синдром диссеминированного внутрисосудистого свёртывания (ДВС) – типовой патологический процесс, характеризующийся генерализованной активацией систем гемостаза и фибринолиза и рассогласованием систем регуляции агрегантного состояния крови [1]. С проявлениями этого синдрома могут встретиться врачи всех специальностей. ДВС – синдром требует своевременной диагностики и незамедлительно начатого адекватного лечения.

Современные представления о ДВС – синдроме можно сформулировать следующим образом [2]:

1. ДВС – синдром всегда вторичен, он развивается под действием различных индукторов.
2. В развитии ДВС – синдрома отмечается «дозовая зависимость», то есть, чем активнее заболевание – индуктор, тем острее ДВС – синдром.
3. ДВС – синдром всегда сопровождается полиорганной недостаточностью.
4. ДВС – синдром лишен стадийности течения, однако по клинико-лабораторным показателям выделяют молниеносный, острый и хронический ДВС – синдром.

В качестве индукторов ДВС – синдрома могут выступать патологические состояния, вызывающие активацию как внешнего, так и внутреннего пути свертывания крови.

К первой группе индукторов ДВС – синдрома относятся различные виды шока [3, 4], хирургические вмешательства на паренхиматозных органах, острый панкреатит, тяжелые стафилококковые инфекции [5, 6, 7, 8], массивная кровопотеря [9, 10], большие дозы бактерицидных антибиотиков [11, 12, 13], краш – синдром, внутрисосудистый гемолиз, массивная гемотрансфузия и реинфузия крови [14, 15], злокачественные опухоли, лейкозы и другие.

Активация коагуляционного гемостаза по внутреннему пути свертывания развивается вследствие повреждения эндотелия сосудистой стенки при генерализованных инфекциях, геморрагических васкулитах, хронической почечной недостаточности, аутоиммунных заболеваниях, при наличии эндопротезов и шунтов, которые требуют постоянной антикоагулянтной терапии [16, 17].

Частыми причинами развития данного синдрома являются ятрогенные воздействия: лечение препаратами, вызывающими агрегацию тромбоцитов, повышающими свертываемость крови, препаратами дефибринирующего действия, препаратами, снижающими противосвёртывающий и фибринолитический потенциал крови [18, 19], а также длительная искусственная вентиляция легких.

Вероятность развития острого ДВС – синдрома может быть заподозрена при наличии следующих клинических признаков:

- острая недостаточность (дыхательная, печеночная, почечная или др.);
- множественные геморрагии разной локализации;
- сочетание тромбоза (инфаркта) с кровоточивостью;
- шок затяжной с геморрагиями;
- комбинированная недостаточность двух и более органов (например, лёгочная и почечная); выраженная локальная кровоточивость.

Для диагностики ДВС-синдрома не существует одного чувствительного лабораторного теста. Диагностика должна быть комплексной, с использованием ряда лабораторных методов, которые оцениваются с учётом клинической картины.

Основной скрининговый набор тестов, который позволяет поставить диагноз ДВС – синдрома, включает подсчет количества тромбоцитов, определение времени кровотечения, фибриногена, продуктов деградации фибрина (ПДФ), растворимых фибрин – мономерных комплексов (РФМК), тромбинового и активированного тромбинового времени (ТВ и АПТВ).

При выявлении тромбоцитопении (то есть, при снижении количества тромбоцитов ниже $160 \times 10^9/\text{л}$) необходимо, прежде всего, исключить ДВС – синдром. С этой целью следует оценить уровень РФМК в крови (он не должен превышать лабораторную норму).

При выявлении удлинения времени кровотечения (в норме 2-3 минуты) на фоне нормального уровня тромбоцитов можно предполагать тромбоцитопатию или болезнь Виллебранда. Для исключения последнего необходим тщательный сбор анамнеза (наличие частых эпизодов кровоточивости, отягощенная наследственность, прием медикаментов). При отсутствии данных в пользу болезни Виллебранда показано исследование агрегационной и адгезивной функций тромбоцитов. При этом так же необходимо исключить ДВС - синдром.

При снижении уровня фибриногена в крови необходимо исключить наследственную афибриногемию (наследственный анамнез) и ДВС - синдром (определить уровень РФМК).

При выявлении повышенного уровня в крови РФМК делают однозначный вывод о наличии у пациента ДВС – синдрома [20]. Если фибриноген при этом в крови низкий, то речь идет об остром ДВС-синдроме, а если уровень фибриногена соответствует норме или превышает ее – то это хронический ДВС- синдром [21 - 24]. В этом случае проводится лечение ДВС- синдрома в полном объеме.

Эта первичная информация дополняется затем более точными стандартизованными методами :

- исследованием динамики тромбоцитов, их числа и внутрисосудистой активации; фрагментации эритроцитов и их числа в мазке крови;
- исследованием адгезивно-агрегационных свойств тромбоцитов;
- определением активированного парциального тромбопластинового времени (АПТВ), свободного гепарина, уровня АТШ и др.;
- определением времени эуглобулинового лизиса, индекса резерва плазминогена, XII-А зависимого фибринолиза, фрагментов 1,2, антифосфолипидных антител (АФА), протамина С (ПрС), D-димеров.

При наличии соответствующей клинической ситуации и симптомов ДВС, выявление совокупности хотя бы 4 - 5 из основных и дополнительных лабораторных признаков должно рассматриваться как подтверждение диагноза и служить основанием для проведения необходимой патогенетической терапии.

1. Крашутский В.В. ДВС – синдром в клинической медицине. Клиническая медицина. 1998. № 3. С. 8-14.
2. Руководство по гематологии. Том 3. Под ред. А.И. Воробьева.- М.: «Ньюдиамед», 2005. – 411 с.
3. Скорляков В.В., Дударев И.В., Кещян С.С., Подина М.В. Лечение больных с острыми язвенными гастродуоденальными кровотечениями. В сб: Актуальные проблемы медицины в России и за рубежом. Сборник науч тр по итогам междунар науч-практ конф. 2015. С. 171-174.
4. Кещян С.С. Комплексное лечение острых язвенных гастродуоденальных кровотечений в зависимости от архитектоники сосудистого русла в зоне локализации язвы. Автореф. на соиск...канд. мед наук. Ставрополь, 2012.
5. Бабиев В.Ф. Прогнозирование и контроль течения острых хирургических заболеваний, осложненных перитонитом. Автореф. на соиск...канд. мед наук. Ростов-на-Дону, 1996.
6. Стагниева И.В., Симбирцев А.С. Значение цитокинового профиля в проявлении болевого симптома при риносинусите // Цитокины и воспаление. 2015. Т. 14. № 4. С. 29-34.
7. Стагниева И.В. Роль субстанции P в патогенезе лицевой боли при риносинусите // Российская ринология. 2015. Т.23. № 1. С. 33-35.
8. Стагниева И.В., Симбирцев А.С. Роль цитокинов в патогенезе лицевой боли при риносинусите // Медицинская иммунология. 2015. Т. 17. № 5. С. 319.
9. Чернов В.Н., Скорляков В.В., Маслов А.И. Диагностика и лечение больных с язвенными гастродуоденальными кровотечениями. Вестник эксперим. и клин. хирургии. 2014. № 1. С. 82.
10. Скорляков В.В., Маслов А.И., Бароков Э.М. Тактика лечения больных с острыми гастродуоденальными язвенными кровотечениями. Вестник эксперим. и клин. хирургии. 2010. Т.3 № 1. С. 52-55.
11. Стагниева И.В., Гукасян Е.Л. Определение степени тяжести риносинусита по цитокиновому балансу //Российский аллергологический журнал. 2016. № 3. С. 83-84.
12. Стагниева И.В. Иммунотропная терапия в лечении рецидивирующего риносинусита // В мире научных открытий. 2017. Т. 9. № 1. С. 56-65.
13. Стагниева И.В. Вегетативная дисфункция в проявлении прозопагий у больных с риносинуситами // Медицинский вестник Юга России. 2012. № 2. С. 67-69.
14. Чернов В.Н., Скорляков В.В., Кещян С.С. Терапия и хирургия осложненных форм язвенной болезни. Рос. журнал гастроэнтер., гепатол., колопроктол. 2010. Т. 20 № 5. С. 40.
15. Чернов В.Н., Скорляков В.В., Баев О.В. Лечение перфоративной язвы гастродуоденальной зоны. Вестник хирургической гастроэнтерологии. 2006. № 1. С. 79.
16. Бойко Н.В., Панченко С.Н. Локализованное внутрисосудистое свертывание крови у больных с носовыми кровотечениями. Новости оториноларингологии и логопат. 2001. № 3. С. 5.
17. Бойко Н.В. Носовые кровотечения как осложнение антитромботической терапии. Российская ринология. 2011. Т. 19. № 4. С. 29-32.
18. Бойко Н.В., Колмакова Т.С., Быкова В.В. Биохимические показатели компенсации постгеморрагической анемии у больных с носовыми кровотечениями. Вестник оторинолар. 2010. № 4. С. 13-16.
19. Бойко Н.В., Колмакова Т.С. Исследование биогенных аминов у больных с носовыми кровотечениями на фоне вегетативной дисфункции. Folia Otorhinolar. et Pathol Res. 2015. Т 21. № 2. С. 27-29.
20. Васильев С.А., Воробьев А.И., Городецкий В.М. Протокол диагностики и лечения острого ДВС-синдрома. Проблемы гематологии и переливания крови. 1999. № 3. С. 40-43.
21. Стагниева И.В., Гукасян Е.Л., Сагакянц А.Б. Нарушение нейроиммунной реактивности у больных риносинуситом. Российская ринология. 2015. Т. 23. № 1. С. 25-28.
22. Бойко Н.В., Шатохин Ю.В., Быкова В.В. Патогенетическое лечение рецидивирующих носовых кровотечений на фоне гипертонической болезни. Рос. ринология 2007. № 2. С. 58.
23. Бойко Н.В., Шатохин Ю.В. Патогенез носовых кровотечений у больных с артериальной гипертензией. Вестник оторинолар. 2015. Т. 80. № 5. С. 41-45.
24. Быкова В.В., Залесский А.Ю. Редкая причина рецидивирующего носового кровотечения. Российская ринология. 2015. Т. 23. № 1. С. 52-54.

Скорляков В.В., Бабиев В.Ф., Кешян С.С.

Шейный лимфаденит: современные аспекты диагностики и лечения

*ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет»
Минздрава России
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-42

idsp: 000001:lj-31-05-2017-42

Шейные лимфатические узлы образуют мощный коллектор, куда оттекает лимфа не только от органов головы и шеи, но и от верхних конечностей, а через грудной проток - и от органов грудной и брюшной полости, таза, забрюшинного пространства и нижних конечностей. Таким образом, через область шеи полностью или частично проходит лимфа от всех областей тела. Очевидно, в процессе филогенеза создались такие анатомические условия, в которых лимфатические узлы шеи должны были выполнять функцию первого и последнего барьера: первого - для органов головы и собственно шеи, и последнего - для органов грудной и брюшной полости. Увеличение шейных лимфатических узлов может быть обусловлено различными воспалительными и опухолевыми процессами. Любое заболевание с иммунной клеточной активацией может быть ассоциировано с регионарной или системной аденопатией [1, 2, 3, 4].

Локализация увеличенных лимфатических узлов может оказаться важным критерием при диагностике заболеваний [5, 6]. Для небных миндалин регионарными являются латеральные глубокие шейные (внутренние яремные) лимфатические узлы [7, 8, 9], для глоточной – передне-верхнешейные, зачелюстные [10], для уха – затылочные [11]. Задние шейные узлы часто увеличиваются при инфекции волосистой части кожи головы, токсоплазмозе и краснухе, в то время как увеличение передних (околоушные) наблюдается при инфекциях век и конъюнктивальной оболочки. При лимфоме в процесс могут вовлекаться все группы шейных узлов, в том числе задние околоушные и затылочные, они обычно подвижны, плотные, спаяны один с другим и безболезненны. Нагноение увеличенных шейных узлов, как правило, происходит при микобактериальном лимфадените (скрофула, или туберкулезный шейный лимфаденит) [12].

Одностороннее увеличение шейных или нижнечелюстных лимфатических узлов предполагает лимфому или опухоль нелимфоидной природы в области головы и шеи, либо метастазы злокачественных опухолей. Метастатические узлы обычно плотные, безболезненные при пальпации и фиксируются к прилежащим тканям. Надключичные и расположенные в области лестничной мышцы лимфатические узлы являются зоной метастазирования опухолей, локализованных в грудной полости или в желудочно-кишечном тракте. Узел Вирхова представляет собой увеличенный слева надключичный лимфатический узел, инфильтрированный клетками метастазирующей опухоли, как правило, происходящей из желудочно-кишечного тракта.

Неспецифический лимфаденит (острый и хронический) сопровождается острым стрептококковым фарингитом, ангиной, паратонзиллитом, парафарингитом; первичными очагами могут быть острый риносинусит [13, 14], острый и хронический аденоидит, заболевания зубов и полости рта [15], респираторно-вирусные инфекции.

Хронический неспецифический лимфаденит может быть первично-хроническим в результате воздействия слабовирулентной микробной флоры при вялотекущих, рецидивирующих воспалительных заболеваниях [16, 17], или исходом острого лимфаденита, когда воспалительный процесс в лимфатических узлах принимает затяжное хроническое течение.

Клиническая картина лимфаденита во многом зависит от патоморфологических изменений в лимфоузле.

В начальной стадии наблюдается серозное пропитывание ткани лимфатического узла с последующей клеточной инфильтрацией. Последняя происходит за счет миграции

лейкоцитов и пролиферации лимфоидных клеток. Эта стадия серозного отека обозначается как острый простой лимфаденит. При простых лимфаденитах воспалительный процесс чаще не выходит за пределы капсулы лимфатического узла. При деструктивных формах лимфаденита наблюдается гнойное расплавление лимфоузлов, воспалительный процесс распространяется на окружающие ткани. При этом изменения в окружающих тканях могут ограничиться серозным воспалением, или же перейти в гнойное с образованием аденофлегмоны. Особой тяжестью и обширностью поражения окружающих тканей отличаются ихорозные лимфадениты.

Хроническое воспаление лимфатических узлов носит продуктивный характер. Переход его в гнойную форму встречается крайне редко. При хроническом лимфадените наблюдается увеличение лимфатических узлов, которые плотны на ощупь, малоблезненны, не спаяны между собой и окружающими тканями. Как правило, на протяжении долгого времени лимфоузлы сохраняют увеличенные размеры, но со временем уменьшаются вследствие разрастания соединительной ткани.

Хронический неспецифический лимфаденит следует дифференцировать с увеличением лимфатических узлов при инфекционных и некоторых других заболеваниях (сифилис, туберкулез, лимфогранулематоз, злокачественные новообразования). Распознавание хронического лимфаденита должно основываться на оценке всего комплекса клинических признаков заболевания. В сомнительных случаях показаны ультразвуковое исследование (УЗИ), пункционная биопсия лимфатического узла или удаление его для гистологического исследования. Пункционная биопсия занимает центральное место в дифференциальной диагностике хронического лимфаденита и метастазов злокачественных новообразований. Важная роль в дифференциальной диагностике хронического лимфаденита принадлежит компьютерной томографии (КТ) и ультразвуковому исследованию (УЗИ).

Целью нашего исследования было изучение диагностической значимости УЗИ для определения тактики лечения больных с шейными лимфаденитами.

Материал и методы. Мы наблюдали 24 больных с шейными лимфаденитами. В 15 случаях причинами лимфаденита были паратонзиллит (8 человек), парафарингит (4 человека), одонтогенный максиллярный синусит (2 человека), острый эпиглоттит (1 человек), у 11 больных причина лимфаденита была неочевидной.

Заболевание у всех исследуемых начиналось с болезненности и увеличения лимфатических узлов, головной боли, слабости, недомогания, повышения температуры тела. При серозном лимфадените самочувствие больного менялось незначительно. Лимфатические узлы были увеличены в размерах до 1,5-2 см и более в диаметре, узлы были плотные, болезненные при пальпации, с окружающими тканями не спаяны, кожа над ними не была изменена. Эта группа больных (15 человек) получала консервативное лечение, главным звеном которого была направленная антибиотикотерапия.

При прогрессировании процесса, переходе воспаления в деструктивную, гнойную форму клиническая картина менялась: температура повышалась до высоких цифр, появлялись озноб, тахикардия, головные боли, выраженная слабость. Боль усиливалась, больной не мог повернуть голову, кожа над лимфатическими узлами была гиперемирована. Четко пальпируемые ранее лимфатические узлы сливались между собой и окружающими тканями в единый конгломерат, становились неподвижными, пальпация лимфоузлов вызывала резкую болезненность. При аденофлегмоне определялась диффузная гиперемия, пальпировался плотный, без четких границ инфильтрат с очагами размягчения, температура поднималась до высоких цифр. При гнилостной флегмоне пальпация выявляла крепитацию в очаге поражения. Всем больным с гнойными формами заболевания (9 человек) произведено хирургическое вмешательство.

Всем больным произведено УЗИ лимфатических узлов шеи.

Воспаленные лимфатические узлы были увеличены. Чаще всего размеры узлов колебались от 2см до 4см. При множественном лимфадените наряду с одним или

несколькими увеличенными лимфатическими узлами, находили множество мелких лимфатических узлов. При вовлечении в воспалительный процесс лимфатический узел чаще сохранял округлую форму, только гнойное перерождение узла придает ему неправильную форму. Овально-округлая форма узла наблюдалась у 14 больных и неправильная форма у 10 больных. Структура узла при воспалении чаще становилась неоднородной.

Воспалительный процесс оказывает влияние на экзогенность лимфатического узла. Воспалительный процесс в лимфатическом узле проявлялся снижением его экзогенности. Характерно то, что в воспалительный процесс лимфатический узел вовлекался с периферии. При смешанной структуре лимфатического узла участки низкой экзогенности чередовались с участками высокой экзогенности. При гнойном расплавлении лимфатические узлы становились анэхогенными, что придавало им вид жидкостного образования. Выявление анэхогенного увеличенного узла с нечеткими контурами указывал на формирование аденофлегмоны. Такая ультразвуковая картина являлась показанием к оперативному лечению.

Таким образом, шейный лимфаденит может быть вызван самыми различными заболеваниями. Для правильной диагностики очень важно провести клиническое обследование больного. К основным факторам, определяющим диагностическую ценность факта увеличения лимфатических узлов, относятся: 1) анамнез; 2) локализация узла; 3) физикальные характеристики лимфатического узла; 4) клинический фон, ассоциированный с лимфаденитом. К общепринятым критериям оценки лимфатических узлов следует отнести их величину, локализацию, консистенцию и степень подвижности каждого узла. При неясности клинического диагноза необходимо дополнительное исследование: УЗИ, КТ, тонкоигольная биопсия или иссечение узла с гистологическим и бактериологическим исследованием.

1. Дворецкий Л.И. Лимфаденопатия: от синдрома к диагнозу // РМЖ. – 2014. - № 4. С. 310–314.
2. Стагниева И.В., Гукасян Е.Л., Сагакянц А.Б. Нарушение нейроиммунной реактивности у больных риносинуситом. Российская ринология. 2015. Т. 23. № 1. С. 25-28.
3. Стагниева И.В. Иммунотропная терапия в лечении рецидивирующего риносинусита // В мире научных открытий. 2017. Т. 9. № 1. С. 56-65.
4. Стагниева И.В. Лечение лицевой боли при риносинусите // Медицинский вестник Юга России. 2015. № 1. С. 82-85.
5. Власова Т.М. Бойко Н.В., Рост числа постстрептококковых осложнений у больных хроническим тонзиллитом. Российская оториноларингология, 2015, № S1, С. 45-47.
6. Бойко Н.В., Калинин М.И., Горшкова Г.И. Консервативное лечение хронического тонзиллита. Детская оториноларингология. 2012. № 3. С. 22-24.
7. Бойко Н.В., Локшина Л.С., Сорока Г.Г., Бриж Ю.В., Сулина Н.Ю. Изменение подходов к лечению хронического тонзиллита в детском возрасте по материалам Ростовской ЛОР клиники. Вестник оторинолар. 2012; 5: 226.
8. Стагниева И.В., Симбирцев А.С. Роль цитокинов в патогенезе лицевой боли при риносинусите. Медицинская иммунология. 2015. Т. 17. № S. С. 319.
9. Бойко Н.В., Писаренко Е.А. Туберкулезное поражение заглоточных лимфатических узлов, вызвавшее затруднение носового дыхания. Вестник оторинолар. 2016. Т. 81, № 6. С. 86-87.
10. Стагниева И.В. Роль субстанции Р в патогенезе лицевой боли при синусите. Российская ринология. 2015. Т. 23. № 1. С. 33-35.
11. Стагниева И.В. Вегетативная дисфункция в проявлении прозопагий у больных с риносинуситами // Медицинский вестник Юга России. - 2012. - № 2. - С. 67-69.
12. Бойко Н.В., Писаренко Е.А., Морозова Е.Е., Вербицкая Л.П., Колесников В.Н. Диагностика и лечение одонтогенного синусита. Российская ринология 2009. Т. 17. № 3. С. 6-10.
13. Стагниева И.В., Симбирцев А.С. Значение цитокинового профиля в проявлении болевого симптома при риносинусите // Цитокины и воспаление. 2015. Т. 14. № 4. С. 29-34.
14. Чернов В.Н., Скорляков В.В., Кещян С.С. Терапия и хирургия осложненных форм язвенной болезни // Российский журнал гастроэнтерологии, гепатологии, колопроктологии. 2010. Т. 20. № 5. С. 40.

Скорляков В.В., Бабиев В.Ф., Кешян С.С.

Вегетативная дистония как предиктор развития хронической ЛОР патологии у больных гастроэзофагеальной рефлюксной болезнью

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет»

Минздрава России

(Россия, Ростов-на-Дону)

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-43

idsp: 000001:lj-31-05-2017-43

Гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь (ГЭРБ) — это комплекс клинических симптомов и/или морфологических изменений, которые возникают в результате рефлюкса содержимого желудка в пищевод [1]. В настоящее время количество больных с ГЭРБ неуклонно растет [2, 3, 4, 5]. В то же время при ГЭРБ воздействие рефлюксата может распространяться и на вышележащие отделы — слизистую ЛОР-органов, вызывая такие заболевания как хронический ларингит, хронический фарингит, синусит, рак гортани и глотки, др. [6, 7, 8]. В связи с этим проявления ГЭРБ принято делить на пищеводные и внепищеводные, при этом последние подразделяются на те, связь которых с рефлюксом установлена, и те, у которых эта связь предполагается [9, 10], так как установить такую взаимосвязь бывает достаточно сложно. Доказано, что вегетативная дистония по типу асимпатикотонии усугубляет течение ГЭРБ и может являться предрасполагающим фактором для развития внепищеводных проявлений [11, 12, 13]. В настоящее время в патогенезе развития хронических заболеваний ЛОР-органов большое внимание уделяется функциональному состоянию вегетативной нервной системы [14, 15, 16, 17]. Вегетативная нервная система относится к числу интегративных регулирующих систем. Именно ЛОР органы представляют собой периферические отделы тех исполнительных функциональных систем, которые тесно связаны с внешней средой и первыми реагируют на любые ее изменения [18, 19].

Целью работы явилось определение роли вегетативной дистонии в прогнозировании развития ЛОР-проявлений ГЭРБ.

Материалы и методы. Обследовано 104 больных с ГЭРБ в возрасте от 18 до 81 года. Средний возраст больных составил $44,4 \pm 0,65$ лет. Среди них мужчин было 50 (48 %), женщин — 54 (52 %). Критериями включения были больные с ГЭРБ, сопровождающимся присутствием и отсутствием ЛОР-проявлений. Критериями исключения стали аллергические заболевания ЛОР органов, сопутствующие хронические заболевания. Контрольную группу составили 32 практически здоровых человека в возрасте от 20 до 32 лет. По наличию ЛОР-проявлений ГЭРБ больные были распределены на 2 группы. 1-я группа — больные с хроническим фарингитом, хроническим ларингитом, хроническим риносинуситом на фоне ГЭРБ. 2-я группа — больные без патологии ЛОР-органов на фоне ГЭРБ. Всем больным проведено полное клиническое обследование, включающее сбор жалоб и анамнеза, осмотр, эндоскопию ЛОР органов, эндоскопическое исследование с оценкой изменений слизистой оболочки пищевода и суточная рН-метрия для верификации ГЭРБ. Исследование вегетативного статуса проводили с помощью тестирования по программе «АнтиБоль 1.06» [20, 21]. В программе тестирования с помощью многомерного вербально-цветового болевого теста заложена оценка уровня болевого поведения по шкале невротизации. Эта шкала позволяет выявить вегетативную дистонию, тревожность, депрессию, ипохондрию. Качественный анализ выбранных ответов по шкале невротизации позволил оценить наличие у больных вегетативной дистонии. Низкий уровень невротизации расценивался в 1–2 балла; средний уровень — 2–4 балла; высокий уровень — 4–6 баллов.

Результаты. У больных 1-й группы уровень невротизации составил $5,098 \pm 0,048$ баллов, что достоверно превысило уровень невротизации у больных 2-й группы

равный $1,954 \pm 0,183$ баллов. Для определения наиболее значимых показателей уровня невротизации с точки зрения разделения больных по дифференциальному разделительному значению, был использован ROC-анализ. Диагностической точкой разделения уровня невротизации, при превышении которой возникает необходимость использования дополнительного лечения, была величина 3,4 балла. При достижении этой величины чувствительность метода соответствовала 83 %, а специфичность — 91 %. Площадь под ROC-кривой (AUC) имела высокое значение $0,914 \pm 0,024$ (z statistic 7,7 при $p < 0,0001$) при выраженной доверительной вероятности. Вегетативная дистония выявлена у 77 больных, что составило 74,2 %. Степень выраженности вегетативной дистонии не зависела от активности ГЭРБ. При корреляционном анализе показателей ранжированного вегетативного индекса и показателей рН-метрии выявлено отсутствие прямых связей пороговых значений кислотности с выраженностью вегетативной дистонии: $r = -0,0613$; $p = 0,169$. У больных 1-й группы с патологией ЛОР-органов вегетативная дистония выявлена у 66,8 % больных. При отсутствии ЛОР патологии у больных 2-й группы вегетативная дистония выявлена у только у 37,8 % больных.

У 74,8 % больных 1-й группы выявлена вегетативная дистония в виде асимпатикотонии, у 20,5 % больных — эйтония, у 4,7 % — симпатикотонии. Во 2-й группе вегетативная дистония в виде асимпатикотонии у 38,3 % больных; у 48,1 % больных — эйтония, симпатикотония — у 13,6 %.

При проведении корреляционного анализа ранжированных показателей уровня рН у больных 1-й группы прослеживается прямая статистически значимая связь с показателями вегетативной дистонии: $r = 0,3922$; $p < 0,001$. При корреляционном анализе ранжированных показателей ВИ и уровня рН прямая связь этих показателей отсутствует: $r = -0,0771$; $p = 0,084$. Эффект взаимного влияния воспалительных изменений в слизистой оболочке верхних дыхательных путей и тонуса ВНС не однозначен [22, 23, 24]. Структурные перестройки, имеющие поначалу компенсаторно-приспособительный характер и являющиеся обратимыми, постепенно закрепляются, переходят в патологические и на основе обратных связей включаются в «порочный круг» заболевания [25]. Функциональное состояние ВНС зависит от длительности воспалительного процесса, а исследование параметров вегетативного индекса может служить критерием оценки и прогнозирования развития воспалительных заболеваний ЛОР органов при ГЭРБ. Таким образом, определение уровня невротизации у больных с ГЭРБ позволяет выявить степень влияния нарушения функционирования ВНС. Пациентам с высоким уровнем невротизации необходимо в алгоритм лечения включать средства и методы, направленные на нормализацию вегетативного статуса. Наличие расстройств функционирования ВНС влияет на патогенез ГЭРБ, определяя её клинические проявления в виде внепищеводной патологии. Поражения слизистой оболочки ЛОР-органов при ГЭРБ в большинстве случаев сочетается с вегетативной дистонией в виде асимпатикотонии и может служить в качестве предиктора развития заболеваний ЛОР-органов.

1. Морозов С. В., Гибадуллина Л. В., Епанчинцева А. С., Исаков В. А., Свистушкин В. М. Оптимизация диагностики взаимосвязи заболеваний лор органов и ГЭРБ // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. 2011. № 8. С. 8–18.
2. Скорляков В. В., Дударев И. В., Кешян С. С., Подина М. В. Лечение больных с острыми язвенными гастродуоденальными кровотечениями. В сб: Актуальные проблемы медицины в России и за рубежом. Сборник научтр по итогам междунауч-практконф. 2015. С. 171–174.
3. Кешян С. С. Комплексное лечение острых язвенных гастродуоденальных кровотечений в зависимости от архитектоники сосудистого русла в зоне локализации язвы. Автореф. на соиск...канд. мед наук. Ставрополь, 2012.
4. Чернов В. Н., Скорляков В. В., Маслов А. И. Диагностика и лечение больных с язвенными гастродуоденальными кровотечениями // Вестник эксперим. и клин.хирургии. 2014. № 1. С. 82. Скорляков В. В., Маслов А. И., Бароков Э. М. Тактика лечения больных с острыми

- гастродуоденальными язвенными кровотечениями // Вестник эксперим. и клин.хирургии. 2010. Т.3 № 1. С. 52–55.
5. Бойко Н. В., Калинкина М. И., Горшкова Г. И. Консервативное лечение хронического тонзиллита // Детская оториноларингология. 2012. № 3. С. 22–24.
 6. Бойко Н. В. Головокружение в практике врача-терапевта // Лечащий врач. 2010. № 4. С. 86. Бойко Н. В., Шатохин Ю. В. Патогенез носовых кровотечений у больных с артериальной гипертензией // Вестник оторинолар. 2015. Т. 80. № 5. С. 41–45.
 7. Стагниева И.В., Гукасян Е.Л., Сагакянц А.Б.Нарушение нейроиммунной реактивности у больных риносинуситом. Российская ринология. 2015. Т. 23. № 1. С. 25-28.
 8. Волков А.Г., Стагниева И.В.Головная боль в области лба с точки зрения оториноларинголога. Российская ринология. 2007. № 4. С. 29-34.
 9. Бабиев В. Ф. Прогнозирование и контроль течения острых хирургических заболеваний, осложненных перитонитом. Автореф. на соиск...канд. мед наук. Ростов-на-Дону, 1996.
 10. Чернов В. Н., Скорляков В. В., Кещян С. С. Терапия и хирургия осложненных форм язвенной болезни // Рос. журнал гастроэнтер., гепатол., колопроктол. 2010. Т. 20 № 5. С. 40.
 11. Чернов В. Н., Скорляков В. В., Баев О. В. Лечение перфоративной язвы гастродуоденальной зоны. Вестник хирургической гастроэнтерологии. 2006. № 1. С. 79.
 12. Бойко Н. В., Колмакова Т. С. Исследование биогенных аминов у больных с носовыми кровотечениями на фоне вегетативной дисфункции // FoliaOtorhinolar. etPatholRes. 2015. Т 21. № 2. С. 27–29.
 13. Бойко Н. В., Колмакова Т. С., Быкова В. В. Биохимические показатели компенсации постгеморрагической анемии у больных с носовыми кровотечениями // Вестник оторинолар. 2010. № 4. С. 13–16.
 14. Стагниева И. В. Вегетативная дисфункция в проявлении прозопалгий у больных с риносинуситами // Медицинский вестник Юга России. 2012. № 2. С. 67–69.
 15. Стагниева И. В. Роль субстанции Р в патогенезе лицевой боли при риносинусите // Российская ринология. 2015. Т. 23. № 1. С. 33–35.
 16. Стагниева И. В., Симбирцев А. С. Значение цитокинового профиля в проявлении болевого симптома при риносинусите // Цитокины и воспаление. 2015. Т. 14. № 4. С. 29–34.
 17. Стагниева И. В. Лечение лицевой боли при риносинусите // Медицинский вестник Юга России. 2015. № 1. С. 82–85.
 18. Стагниева И.В., Симбирцев А.С.Роль цитокинов в патогенезе лицевой боли при риносинусите // Медицинская иммунология. 2015. Т. 17. № 5. С. 319.
 19. Стагниева И. В. Иммунотропная терапия в лечении рецидивирующего риносинусита // В мире научных открытий. 2017. Т. 9. № 1. С. 56–65.
 20. Стагниева И. В., Бойко Н. В. Головная и лицевая боль при риносинусите //Медицинский вестник Юга России. 2014. № 3. С. 55–59.
 21. Быкова В.В., Залесский А.Ю. Редкая причина рецидивирующего носового кровотечения. Российская ринология. 2015. Т. 23. № 1. С. 52-54.
 22. Волков А.Г., Гюсан А.О., Боджоков А.Р., Стагниева И.В., Хохлачев С.М., Узденова Р.Х., Давыдова Л.С.Анализ орбитальных и внутречерепных осложнений синуситов по некоторым стационарам Северного Кавказа// Российская оториноларингология. 2008. № 4. С. 57-61.
 23. Бойко Н.В., Стагниева И.В.Дифференциальная диагностика лицевых болей // Российская ринология. 2012. Т. 20. № 4. С. 39-41.
 24. Стагниева И.В., Бойко Н.В.Головная и лицевая боль при риносинусите // Медицинский вестник Юга России. 2014. № 3. С. 55-59.
 25. Стагниева И.В., Сагакянц А.Б.Лицевая боль как проявление заболеваний носа и околоносовых пазух // Российский журнал боли. 2014. № 3-4. С. 40-44.

РАЗДЕЛ IX. ФИЛОСОФИЯ

Левчук.А.Д.
Русская цивилизация и Золотая Орда

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-44

idsp: 000001:lj-31-05-2017-44

Аннотация

В статье рассматриваются взаимоотношения Золотой Орды и Руси в период татаро-монгольского ига. На основе данной темы автором раскрывается проблема влияния Золотой Орды на развитие Руси как государства. С привлечением научной литературы по выбранной теме были критически проанализированы четыре аспекта взаимодействия двух государств. Были выявлены расхождения во мнениях знаменитых историков относительно одних и тех же событий и явлений. Автор делает вывод об отсутствии негативного влияния Орды на Русь.

Ключевые слова: русская цивилизация, Золотая Орда, право, государство

В эпоху переосмысления истории Российского государства неверным было бы обойти стороной вопрос татаро-монгольского ига и его влияния на развитие российской государственности и общества. Столкновение этих миров осмысливается в нашей стране в форме «столкновения цивилизаций». «Концепция локальных цивилизаций вновь демонстрирует эвристический потенциал» [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 96]. Историки, в русле этого направления, пытаются ответить на следующие вопросы: было ли вообще иго как таковое; какой след в истории России оставил культурный обмен между Золотой Ордой и Русью.

Многие известные историки занимались изучением данных вопросов. В этой статье мы сравним и противопоставим мнения нескольких специалистов исторической науки: Э.С. Кульпина, В.А. Рязановского, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова и В.В. Похлебкина.

Мы не ставим перед собой цели ответить на вопрос о взаимодействии Орды и Руси однозначно, так как дать исчерпывающее основание для той или иной точки зрения не представляется возможным. Однако мы постараемся систематизировать имеющуюся информацию и выработать свою субъективную позицию по исследуемой теме.

Для того, чтобы попытаться определить степень и характер влияния Золотой Орды на Русь и наоборот, мы выработали четыре аспекта диалога культур, по которым мы будем проводить наше исследование: право, государство, сельское хозяйство и кустарное производство, культура и религия.

Право. Сравнивая две правовые системы, следует сразу отметить, что Русь тяготела прежде всего к заимствованию Византийского, а оттуда – римского права, в то время как Золотая Орда создавала свое право на основе прежде всего азиатских систем: китайской, персидской и иных. Одним из важнейших памятников монгольского права является Яса Чингисхана – специальный свод законов, принятый на курултае во времена правления хана Чингиза. Интересным фактом является то, что Яса не действовала на территории Руси все время ее вассального положения по отношению к Орде. В.А. Рязановский по этому поводу отмечает, что монголы не создали никакого специального кодекса для Руси, в то время как в этот же исторический период появляется знаменитый памятник русского права – Псковская судная грамота, который, по мнению Рязановского, намного превосходит все памятники монгольского права по юридической технике и

содержанию. Касаемо гражданско-правовых отношений, автор также не выявляет взаимодействия двух правовых систем, поскольку совершенно разные типы хозяйствования и гражданского оборота не позволяли провести какие-либо заимствования [6, с. 158]. Мы склонны согласиться в этом вопросе с В.А. Рязановским, так как анализ правовых памятников показывает, что правовые системы Золотой Орды и Руси имели диаметрально противоположные черты. Если какое-либо влияние и имело место, то только заимствование отдельных видов правовых документов (к примеру, тарханские грамоты продолжали свое существование на Руси еще долгое время после татаро-монгольского ига).

Государство. Краеугольным камнем в вопросе влияния Золотой Орды на историческую судьбу Руси является вопрос о государственности и суверенитете. Повлияло ли негативно нашествие монголов на формирование Российского государства? В. А. Рязановский, В. О. Ключевский и Э. С. Кульпин солидарны в том, что монголы практически не занимались вопросами управления на Руси, а выдача ярлыков и определение баскаков были лишь формальностью. Однако В.А. Рязановский, в отличие от своих коллег, считает, что до татаро-монгольского ига на Руси имел место расцвет государственности, а нашествие татаро-монголов надолго приостановило развитие данного процесса [6, с. 162]. В. О. Ключевский же считает, что порядка на Руси до пришествия монголов не было, и власть хана была благом для русичей, «батогом Божиим», предотвращала произвол князей и дележку земель [2, с. 366]. Э.С. Кульпин также солидарен с этой точкой зрения, характеризуя отношения между князьями как «одичание и братское озлобление» [3, с. 22]. Мы склонны согласиться с В.О. Ключевским и Э.С. Кульпиным: развитой государственности на Руси не было и до татаро-монгольского ига, а торможение в ее развитии не связано напрямую с Ордой, а скорее проистекает из внутренних особенностей управления на Руси. Таким образом, мы отвергаем точку зрения о том, что Золотая Орда каким-либо образом повлияла на отставание развития российской государственности. Однако мы склонны согласиться с В.В. Похлебкиным в том, что Золотая Орда косвенно помогла переориентировать русскую государственную машину на Азию [4, с. 17].

Сельское хозяйство и кустарное производство. Не секрет, что Золотая Орда угоняла пленных ремесленников и крестьян на работы в административный центр. Как же это сказалось на развитии русского сельского хозяйства и кустарного производства? Существуют данные, что с момента набега монголов на Русь, на долгое время прекратилось каменное строительство в русских городах. Также многим известны особенности передачи ремесла на Руси – умения и навыки передавались от отца к сыну. Таким образом, если отца-ремесленника угнать на работы в Орду, то его сын никогда не сможет получить должных профессиональных навыков, ведь специальных школ для освоения ремесел не существовало.

Что касается сельского хозяйства, то следует отметить, что монгольские степи и русские земли сильно отличались по составу почвы, что определяло различные системы земледелия для Золотой Орды и Руси. Русское сельское хозяйство ориентировано на распашку плодородных, полных влаги земель. Монгольское сельское хозяйство не приемлет частой распашки, так как это губительно сказывается на количестве и качестве урожая. Таким образом, данные системы не могли пересекаться. Даже если русский крестьянин был бы обучен методам монгольского земледелия, он не смог бы применить эти навыки на родной почве.

Более того, нет сведений о том, чтобы монголы стабильно посылали отряды на Русь для изъятия продуктов питания. Так же как и нет сведений о том, чтобы русские употребляли продукты питания из Орды. Таким образом, системы земледелия и потребления обоих государств могли существовать параллельно, не затрагивая друг друга.

Мы приходим к выводу, что Золотая Орда повлияла на развитие только лишь ремесленной составляющей производства на Руси, так как неоднократно прерывала преемственность ремесленных знаний путем угона мастеров на работы в Орду. Сельское хозяйство Руси существовало и развивалось планомерно, не находясь под влиянием монгольских методов.

Культура и религия. С.Ф. Платонов признает, что на русском востоке 13-15 вв. существовала некоторая культурная отсталость и некий налет «татарщины». Однако он отмечает, что не следует преувеличивать силу этого татарского культурного влияния, так как добровольно русские ничего не перенимали у тех, кого считали «погаными». Наиболее отчетливый диалог двух культур прослеживается уже при ослаблении татаро-монгольского ига, когда монголы перестают носить титул «завоевателей и хозяев». Однако и этот диалог не стоит оценивать слишком высоко. Дальше заимствований лексики и некоторых черт быта и одежды дело не пошло [5, с. 84-85]. Мы считаем, что нельзя однозначно утверждать, что заимствование некоторых аспектов чужой культуры является отрицательным явлением – это удел консерваторов. Наше мнение состоит в том, что заимствование отдельных вещей из культуры татаро-монголов не привело к деградации русской культуры, но к ее обогащению.

Что касается религии, то Э.С. Кульпин утверждает, что Орда была максимально веротерпима [3, с. 40-41]. Монголы не навязывали своих верований не только покоренным народам, но и своим соотечественникам – сыновья ханов, к примеру, могли выбирать любой понравившийся им религиозный культ. Известно, что русская церковь была освобождена от налогов и пользовалась уважением хана. Таким образом, однозначен вывод о том, что Золотая Орда никак не затронула религиозную сферу русского государства. Более того, мы считаем, что тогдашней и поздней Руси следовало бы поучиться у монголов веротерпимости и лояльности к религии.

В итоге, по всем четырем критериям нами не было выявлено прямого негативного влияния Золотой Орды на развитие Руси как суверенного государства. Мы выявили некоторые положительные аспекты диалога культур, однако, не следует переоценивать их ценность.

Таким образом, мы не можем сказать, что татаро-монгольское иго явилось серьезным катализатором развития или торможения русской государственности как таковой. Мы склоняемся к мысли, что на историческую судьбу России прежде всего повлияли ее внутренние факторы, нежели внешние.

Вопрос о взаимодействии Золотой Орды и Руси все еще остается открытым ввиду невозможности дать однозначный ответ по данной теме. Полагаем, что переоценка событий будет происходить и далее, но вероятность прийти к единому мнению при условии субъективности высказываний каждого отдельного историка и огромного влияния на его образ мышления современной ему эпохи очень мала.

1. Касимов Р.Х. Возрождение мироимперий: категория цивилизации в контексте миросистемного анализа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №8(58): в 3 ч. Ч. II. 2015. – С. 96-98.
2. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 1. М., 1993.
3. Кульпин Э. С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М., 1998.
4. Похлебкин В. В. Татары и Русь: 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 : справочник. М., 2000.
5. Платонов С. Ф. Учебник русской истории. М., 1992.
6. Рязановский В. А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // Вопр. истории. 1993. № 7.

РАЗДЕЛ X. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Polukhina R.

Principle of proportionality as a fundamental principle of the international and european law in the activity of the court of arbitration for sport*North Caucasus branch of the Russian State University of Justice
(Russia, Krasnodar)**doi: 10.18411/lj-31-05-2017-45**idsp: 000001:lj-31-05-2017-45***Abstract**

The article enlightens the question of application of the principle of proportionality in the CAS activities, which is the some kind of such general principle of international law as protection of individual rights and freedoms. The authors analyse a number of the CAS decisions, which show evolution of this principle, its development under the trend of protecting of individual rights and freedoms in the sphere of sport. The article will be interesting to everybody who study problems of international sports law and CAS activity.

Key words: international sports law, principles of the international and European law, doping, principle of proportionality, Court of Arbitration for Sport, sportsman.

In settling disputes the Court of Arbitration for Sport (hereinafter the Court or the Panel) among other things relies on the generally recognized principles and rules of law, what is regularly reflected in the Court's decisions in the form of a special choice of law clause. In this respect, the following case can be mentioned as an example. The paragraph 15 of the decision on the case «International Olympic Committee (IOC) v. Chagnaadorj Usukhbayar» stipulates that the Court shall rule on the dispute pursuant to the IOC ADR (the International Olympic Committee's Anti-Doping Rules), the applicable regulations, Swiss Law and general principles of law.

In the legal literature, the terms «general principles of law» и «generally recognized principles of the international law» are considered to be the same.

According to the theory of the international law, the following words of S.V.Chernichenko, regarding the principles of the international law, are quite appropriate here: there are «universally accepted norms of the international law of the most common nature», «which constitute the most general expression for the established practice in the sphere of the international relations, legally binding grounds of the contemporary international law, its foundations».

The prevailing view in legal doctrine is that the main principles of the international law are enshrined in the United Nations Charter (with the reservation that the full list of those principles does not exist), in the Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations, and also in the Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe (Helsinki, 1 August 1975).

The subject matter covered by this work is a concept of human rights and fundamental freedoms as a basis of principle of proportionality in the activity of the Court of Arbitration for Sport.

The abovementioned principle (protection of human rights and fundamental freedoms) is not directly enshrined in the UN Charter. Art.1 para.3 reads as follows (CHAPTER I «Purposes and principles»): «To achieve international co-operation in solving international problems of an economic, social, cultural, or humanitarian character, and in promoting and encouraging respect for human rights and for fundamental freedoms for all without distinction as to race, sex, language, or religion». Art.55 supplements the above provisions and establishes that the United

Nations shall promote universal respect for, and observance of, human rights and fundamental freedoms for all without distinction as to race, sex, language, or religion.

In the Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe among other principles that need to be followed by the States the principle of respect for human rights, including freedom of thought, conscience, religion and belief, is guaranteed to all.

In the European Union's legal framework a number of generally recognized principles of the international law were reflected and specified. With regard to the concept of human rights and fundamental freedoms, the latter was elaborated through the development of the proportionality principle set out in the Treaty on the European Union. In accordance with this principle, any actions and decisions of the public authorities must be in strict compliance with their aims of activities and they should not exceed admissible limit, inter alia, while bringing someone to justice. It means that the seriousness of the sanction or punishment should correspond to the gravity of the offence.

At this moment in Russian scientific literature there is no research focusing on the topic. In foreign scientific literature, devoted to international sport law, this question was illustrated enough for having possibility to derive main concepts of legal nature of the proportionality principle.

In European Law with regard to the dispute settlement procedures of the Court the following understanding of the proportionality principle can be considered predominating: «The proportionality principle is widely recognized and accepted. It prohibits the taking of any measure which in view of its objective must be considered to go beyond what is appropriate and necessary. The application of the principle involves the balancing of the interests of the person or persons affected by the measure and the possibly wider social aim which it is intended to achieve. The CAS has regularly considered whether the doctrine of proportionality could be applied in reduction of a penalty. The application of fixed penalties for doping offences made it difficult to weigh the severity of the offence against the severity of the penalty. Nevertheless, as the CAS at one occasion concluded, when the circumstances of the case so allowed the appellant's sentence could properly be reduced by reference to proportionality considerations».

During several decades, the proportionality principle has been consistently forming in the Court's decisions. For better understanding the trends of the human rights protection in the international sports arbitration, it seems reasonable to analyse its evolution.

The first mentions about it we can find in the CAS awards rendered many years ago. Let's see the case *W. / International Equestrian Federation (FEI)*. This case has nothing to do with doping offence - the subject was an abuse of horses, however, it appears desirable to consult the then position of the Court concerning the place and role of the proportionality principle.

The Court considered the question if a high level United States show jumping rider (W.) was guilty of animal cruelty, since two very small plastic pieces were found in the boot of the front right leg of the horse "B.", which could conceivably hurt it. Rider's submissions in the Court were as follows: neither he, nor his groom did put any plastic pieces in B.'s boots, and any damage or sensitiveness of the leg was not found by Dr. Kersten.

In the para. 31 of the award the Court gives a detailed explanation of its position regarding the proportionality principle importance: «...it is a widely accepted general principle of sports law that the severity of a penalty must be in proportion with the seriousness of the infringement. The CAS has evidenced the existence and the importance of the principle of proportionality on several occasions. In the cases *TAS 91/56 (S. v. FEI)* and *TAS 92/63 (G. v. FEI)*, the CAS stated that "the seriousness of the penalty [...] depends on the degree of the fault committed by the person responsible"... In the advisory opinion *TAS 93/109 of September 1994 (Fédération Française de Triathlon / International Triathlon Union)*, the CAS, quoting the IOC Charter against Doping in Sport, stated that all sports organizations must try to impose penalties graduated in accordance with the seriousness of the offence: "...les organisations sportives doivent toujours chercher à déterminer de quelle façon l'athlète visé a enfreint les règlements...».

Further the Court refers to its previous decisions with the following formulation: «In the case *TAS 95/141 (C. v. FINA)* the CAS considered that the penalty imposed on the appellant

was not proportionate to the circumstances of the case and stated that “it is the task of the sports authorities to establish the guilt of an athlete in order to fix a just and equitable sanction...».

Lastly, an explicit reference to the proportion of the penalty was also made in TAS 98/204 (R. v. FEI), where the CAS confirmed the importance of respecting this general principle of law.

After a thorough examination of the case and taking into account the fact of the absence of injury to the horse, the Panel has found that the application of the proportionality principle is necessary and the sanction should be reduced from eight to six months for W. having ability to qualify for the Sydney Olympic Games.

It is interesting to look at the case *Squizzato v. FINA*, considered by the Court in July 2005. On August 21 and 22, 2004, a young Italian swimmer S. participated in the European Open Water Swimming Cup Competition in Waren/Müritz, Germany. Her doping sample showed the presence of the major urinary metabolite of clostebol at low concentration. According to the 2004 Prohibited List of the World Anti-Doping Code, clostebol belongs to the class S4.1.a (anabolic agent, anabolic androgenic steroids).

It subsequently became apparent that S. used a cream “Trofodermin” which she applied to her foot to fight against skin affection unaware that it contains the prohibited substance. As the swimmer claimed in the Court, the cream did not enhance the athlete’s capacity and nor it favoured her performance. S. requested the Panel to acquit her from the charge, or in any event, to reduce the sanction within the limits of the suspension already inflicted by the Italian Swimming Federation

In its judgement in the case the Court suggested a number of statements concerning the proportionality principle, namely:

- Para. 3 of the Court’s judgement: substantial elements of the doctrine of proportionality have been implemented in the body of rules and regulations of many national and international sport federations by adopting the World Anti-Doping Code ((hereinafter the Code), which provides a mechanism for reducing or eliminating sanctions i.a. in cases of “no fault or negligence” or “no significant fault or negligence” on the part of the suspected athlete.
- Para. 4 of the Court’s judgement: a mere “uncomfortable feeling” alone that a one year penalty is not the appropriate sanction cannot itself justify a reduction of the sanction. The individual circumstances of each case must always hold sway in determining any possible reduction. Nevertheless, the implementation of the principle of proportionality as given in the Code closes more than ever before the door to reducing fixed sanctions. Therefore, the principle of proportionality would apply if the award were to constitute an attack on personal rights which was serious and totally disproportionate to the behaviour penalised.
- Para. 44 of the Court’s judgement: the Panel notes that it is a widely accepted general principle of sports law that the severity of a penalty must be in proportion with the seriousness of the infringements. The CAS has evidenced the existence and the importance of the principle of proportionality on several occasions.
- Para. 48 of the Court’s judgement: the mere fact that regulations of a sport federation derive from the World Anti-Doping Code does not change the nature of these rules. They are still – like before – regulations of an association which cannot (directly or indirectly) replace fundamental and general legal principles like the doctrine of proportionality a priori for every thinkable case.

In this case, building upon the proportionality principle, the Court decided that fairness required the sanction should not last more than one year.

If we refer to the decisions, issued by the Court in 10 years, we can clearly see that the position of the Court has not changed. In a case «Public Joint-Stock Company “Football Club Metalist” v. UEFA & PAOK FC» the Court in the para.5 of the decision made the following statement: «it is a recognised principle in CAS jurisprudence that a sanction must comply with the principle of proportionality in the sense that there must be a reasonable balance between the kind of misconduct and the sanction. Put differently, the severity of a sanction must be

proportionate to the offence committed. To be proportionate, the sanction must not exceed what is reasonably required in the search of the justifiable aim. Any party alleging disproportionality of a sanction bears the burden of proof for its allegation».

Based on the above, we can assert that over the years the position of the Court has remained unchanged and, even more so, is constantly being improved with respect to the assessment of the particular circumstances in every case.

In order to highlight the different approaches in the foreign legal doctrine, it seems fair to outline the position under which the Court does not make full use of the possibility of applying the proportionality principle given by the Code. For example, the Dutch lawyer Houben J. supports the idea that article 10.5. of the Code, specially dedicated to the mitigation of the athlete's responsibility (in cases of "no fault or negligence" or "no significant fault or negligence"), is not easily enforceable because it can be used only in the exceptional circumstances and not in the majority of cases (this is required by the provisions of the Code). The proportionality doctrine has lost its importance because CAS does not interpret it correctly. In addition, at the time of the writing of the J.Houben's paper the Court has never used exceptional circumstances concept.

However, it must be noted that the author refers to the first version of the Code, which entered into force in 2003. The 3rd revision, in force since 2015, does not contain a clause stating that those mitigating factors can't be applied in most cases, it was replaced by the new one (comment to Article 10.4): «This Article and Article 10.5.2 apply only to the imposition of sanctions; they are not applicable to the determination of whether an anti-doping rule violation has occurred. They will only apply in exceptional circumstances, for example, where an Athlete could prove that, despite all due care, he or she was sabotaged by a competitor».

One recent example of the Court's practical application of the proportionality principle may be given. In 2016 the Court considered the case of Maria Sharapova whose «A» sample collected from her at the Tournament had tested positive for the presence of Meldonium (Meldonium is a prohibited, non-specified substance included at S4 (Hormone and Metabolic Modulators) in the list of prohibited substances). In her appeal, this elite female athlete claimed that in the circumstances of the case, the Panel should reduce the ineligibility to a shorter period, consistent with the principle of proportionality.

Having considered all of the appellant's reasons, the Panel has determined that the appropriate length of sanction is fifteen (15) months; in other words, the Panel has reduced her sanction on the basis of NSF (no significant fault) by nine (9) months.

Taking everything into consideration, we can state that in the sphere of the international sports law the application of the proportionality principle is due to the need for the appropriate evaluation of the factual background of the dispute and degree of the person's fault (what is impossible for establishing by law). This means some extent of subjectivity of the arbiters and inevitably affect its implementation.

However, regardless of the position and on the basis of the Court's multi-year findings, we can confidently state that when imposing sanctions on athletes the fundamental issue is an application the international and European law principles, especially when it comes to a conflict between the severity of the offence and the severity of the penalty for doping.

1. United Nations Charter.
2. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations.
3. Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe (Helsinki, 1 August 1975).
4. World Anti-Doping Code. Version 1st (2003), version 2nd (2009) and version 3rd (2013).
5. European international law. Ed. by U. Kolosov, E. Krivchikova, P. Savaskov. Moscow. 2009.
6. European law. Law of the European Union and legal enforcement of human rights protection. Ed. by L. Entin. Moscow. 2007.
7. T. Matveeva. International law. Course of lectures. Moscow. 2001.
8. R. Polukhina «Mitigating factors as a fundamental principle of the imposing sanctions on athletes for doping offences in the activity of the Court of Arbitration for Sport

9. S.V.Chernichenko. Norms and principles of the international law. Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Center of the International Law and Humanitarian Problems. Moscow. 1998.
10. Panagiotopoulos D. Sports law. Lex sportive and Lex olympica. Athens. 2011.
11. Houben J. Proportionality in the World Anti-Doping Code: Is There Enough Room for Flexibility? // International sports law journal. 2007. Vol. 1-2.
12. Hreinsson P. The Handbook of EEA Law. Switzerland. 2016.
13. Schweizer M. Nudging and the Principle of Proportionality. / Mathis K., Tor A. (eds.). Nudging - Possibilities, Limitations and Applications in European Law and Economics. Switzerland. 2016.
14. Soek J. The strict liability principle and the human rights of athletes in doping cases. The Hague. 2006.
15. CAS 99/A/246 W. / International Equestrian Federation (FEI), award of 11 May 2000.
16. CAS 2005/A/830 S. v. FINA, award of 15 July 2005.
17. CAS 2013/A/3297 Public Joint-Stock Company "Football Club Metalist" v. UEFA & PAOK FC, award of 29 November 2013.
18. AD 16/008 International Olympic Committee (IOC) v. Chagnaadorj Usukhbayar от 20 августа 2016 г.
19. CAS 2016/A/4643. Maria Sharapova v. ITF, award of 30 September 2016.

Вилитенко Т.О.

Дифференциация уголовной ответственности за хищение чужого имущества

*Академия ФСИИ России
(Россия, Рязань)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-46

idsp: 000001:lj-31-05-2017-46

Дифференциация будет представлять собой своего рода деления санкций в уголовном законодательстве от менее тяжких к более тяжким, все зависит от характера и вида совершенного хищения. Чем опаснее преступление, тем суровей наказание будет предусмотрено для виновного лица. Однако, не все так просто, авторы выделяют следующую проблему: бросается в глаза несоответствие санкций, установленных законом за различные виды хищений, в результате чего УК допускает ситуации, когда простые грабеж (ст. 161 УК) и разбой (ст. 162 УК) при отягчающих обстоятельствах наказываются строже, чем аналогичные деяния, совершенные в отношении специального вида имущества.

Так, грабеж чужого имущества, совершенный в особо крупном размере (ч. 3 ст. 161 УК), наказывается лишением свободы от шести до двенадцати лет. В то же время открытое хищение предметов, имеющих особую ценность, независимо от размера стоимости похищенного подлежит наказанию по ч. 1 ст. 164 УК в виде лишения свободы от шести до десяти лет. Статья 221 УК об ответственности за хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ также не учитывает размер похищенного, и при отсутствии иных отягчающих обстоятельств характеризующее деяние здесь наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

То же самое в полной мере касается и других видов хищения, а именно оружия (ст. 226 УК) и наркотиков (ст. 229). Правда, для всех них стоимость похищенного по смыслу закона не имеет столь важного значения. Особенно это касается хищения наркотических средств и психотропных веществ, где более важно учитывать количество самих этих субстанций. Тем не менее вызывает удивление сам факт такого различного понимания разработчиками УК общественной опасности всех обозначенных преступлений.

Далее, если за хищение обычного имущества, совершенное путем разбоя, с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище в соответствии с ч. 3 ст. 162 УК законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от семи до двенадцати лет, то за это же деяние, совершенное в отношении культурных ценностей, которое подпадает под действие лишь ч. 1 ст. 164 УК, получается всего от шести до десяти лет.

Еще более существенная разница в пределах санкций наблюдается между разбоем (п. п. «б», «в» ч. 4 ст. 162 УК), совершенным в особо крупном размере, сопряженным с

причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, и разбойным нападением в целях хищения культурных ценностей при тех же обстоятельствах (ч. 1 ст. 164 УК).

Как представляется, при дифференциации уголовной ответственности за хищение того или иного имущества нельзя игнорировать то обстоятельство, что способ совершения этого преступления значительно влияет на характер и степень его общественной опасности, поскольку помимо отношений собственности рассматриваемое деяние может причинять вред еще и другим объектам (здоровью человека, а также его личным правам и свободам).

Пытаясь разрешить данную ситуацию, отдельные авторы в подобных случаях предлагают квалифицировать деяния по совокупности преступлений. Однако совершенно очевидно, что это не выход из положения, поскольку он противоречит принципу справедливости, в соответствии с которым никто не может быть привлечен к уголовной ответственности дважды за одно и то же деяние.

Среди них особенно выделяется непримиримая коллизия норм об ответственности за различные виды хищения, в случаях, когда предмет преступления сочетает в себе одновременно несколько юридически значимых черт. Такая коллизия, например, возникает между нормами, закрепленными ст. 164 УК и ст. 226 УК, применительно к ситуации, когда похищенное имущество, с одной стороны, является оружием, а с другой - представляет особую историческую или иную культурную ценность. Скажем, когда злоумышленники крадут из музея или у частного коллекционера фитильный мултук XVII в. или в качестве предмета хищения выступает, например, пистолет Сталина.

Очевидно, что по совокупности преступлений уголовный закон в данной ситуации применять нельзя, поскольку речь идет о единичном деянии. Но какую тогда следует выбрать норму? Оба состава - и содержащийся в ст. 164 УК, и закрепленный ст. 226 УК - являются специальными по отношению к краже, предусмотренной ст. 158 УК, или к грабежу (ст. 161 УК) и т.д., и потому по отношению друг к другу они равнозначны.

На практике в вопросе о том, каким свойствам похищенного имущества в данном случае отдавать предпочтение, специалисты чаще всего склоняются в сторону оружия. Причем эксперты-криминалисты рассматривают априори как оружие даже старинные капсюльные и кремневые пистолеты, несмотря на то что выстрелить из них, по существу, может только специалист-оружиевед.

Но и это еще не все. Ученые уже давно говорят о том, что специальные виды хищения, предусмотренные ст. ст. 221, 226 и 229 УК, имеют иную социально-правовую сущность и не вписываются в понятие хищения, закрепленное в примечании 1 к ст. 158 УК. По справедливому замечанию многих авторов, эти преступления часто лишены корыстной мотивации (а именно в таком ключе их часто квалифицируют и на практике), для них в силу особенностей предмета посягательства не столь важны признаки безвозмездности деяния и причинения имущественного ущерба. При этом в качестве альтернативы обозначения данных деяний ученые предлагают использовать термин «похищение».

Статьями Особенной части УК РФ не предусмотрено в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, совершение двух или более краж, грабежей и разбоев. Согласно статье 17 УК РФ при совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ, наказание назначается отдельно за каждое совершенное преступление. При этом окончательное наказание в соответствии с частями второй и третьей статьи 69 УК РФ не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений.

Автором была рассмотрена основа дифференциации уголовной ответственности за хищения, которая выражается в разделении целого на части, а именно разделение уголовной ответственности от менее тяжких последствий, к более тяжким последствиям.

Такой подход позволяет наиболее просто назначить наказание виновному лицу за совершенное деяние. Чем опаснее преступления, тем и характер ответственности будет тяжелее. Также на характер уголовной ответственности будет влиять наличие специального субъекта, особенностью объекта посягательства, проще говоря, характер и степень самого деяния. Между тем, были рассмотрены вопросы квалификации, которые наиболее часто возникают в практической деятельности. Из этого следует необходимость тщательного изучения самого деяния, его элементы и стороны, чтобы правильно определить квалификацию.

1. Севрюков А.П. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика грабежей и разбоев, совершенных с незаконным проникновением в жилище: Дис... канд. юрид. наук. М.: ВНИИ МВД РФ, 2008.
2. Севрюков А.П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М., 2014.
3. Теплова Д.О., Корыстная цель и мотив как признаки хищения, 2015.
4. Уголовное право России / под редакцией В.Н. Кудрявцева А.В. Наумова. Т. 2, Особенная часть. 2016.

Дрожжин М.А.

Исторические предпосылки формирования института репутационного вреда в России

*Институт подготовки государственных и муниципальных служащих Академии
ФСИН России
(Россия, Рязань)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-47

idsp: 000001:lj-31-05-2017-47

История формирования института репутационного вреда достаточно небольшая, и сам институт продолжает формироваться в наши дни. Мы рассмотрим позиции законодателя, мнения ведущих правоведов и судебной практики во временном разрезе.

Отметим, что ни законодательство Российской Империи, ни тем более классическое советское законодательство не предусматривало нормы, которые бы предоставляли право юридическому лицу на компенсацию морального вреда. Поэтому, история законодательного регулирования берет свое начало в 1991 году с Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик (далее – Основы) и принятием Гражданского Кодекса РФ. Положения п.6 ст. 7 Основ и п.7 ст. 152 ГК РФ устанавливали, что правила этих статей о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица. Буквально можно было толковать следующим образом – юридическое лицо, в отношении которого были распространены порочащие деловую репутацию сведения, вправе требовать наряду с опровержением возмещения убытков и морального вреда, причиненных распространением таких сведений. Многие отечественные правоведы придерживались позиции, что на самом деле законодатель не наделяет юридических лиц правом на компенсацию морального вреда, а все дело в неудовлетворительном уровне юридической техники законодательных актов. Правильным вариантом толкования они считали следующий: компенсацию морального вреда вправе требовать только граждане; юридические же лица вправе требовать исключительно возмещение убытков.

Впрочем, вышедшее Постановление Пленума ВС РФ от 20 декабря 1994 года №10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» было призвано отвести все сомнения по поводу толкования спорных норм. Верховный Суд РФ разъяснил, что, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяются и в случаях распространения таких сведений в отношении организации. Отметим, что

Пленум ВС РФ не стал затрагивать правовую природу морального вреда юридического лица, ограничившись только ссылкой на положения п.7 ст.152 ГК РФ. Пленум ВС РФ подтвердил свою правовую позицию уже позднее в п.15 Постановления от 25 февраля 2005 года №3 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц".

У научной общественности позиция Верховного Суда РФ не нашла поддержки. Более того, Высший Арбитражный Суд РФ изложил свое мнение по этому вопросу в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 декабря 1998 г.

Настоящими источниками зарождения такого способа защиты как компенсация репутационного вреда юридическим лицам стали статьи в российских юридических журналах в конце 1990-х – начале 2000-х.

В 1999 г. К.Голубев и С. Нарижный в журнале «Российская юстиция» публикует статью «Защита деловой репутации юридических лиц». Примечательна она тем, что в ней впервые в научном обороте использовался термин «нематериальный вред» и предложена идея компенсировать такой вред юридическому лицу.

В комментариях к ГК РФ Г.М. Резник говорил о том, что в гражданском законодательстве необходимо предусмотреть право юридического лица на компенсацию репутационного вреда, поскольку деловой репутации юридического лица зачастую причиняется вред, который не связан с убытками. Таким образом, Г.М. Резником было дано самостоятельное определение, которое отличалось от морального вреда, причиненного гражданину. Уже позже, Генри Марковичем была разработана идея и механизм компенсации репутационного вреда юридическим лицам.

В.В. Старженецким был опубликован перевод извлечения из Постановления Европейского суда по правам человека от 06.04.2000 по делу «Компания Комингерсол С.А. против Португалии», где фигурировал термин «нематериальные убытки», который в дальнейшем переключался в судебно-арбитражную практику. Пожалуй, следует согласиться с Е.В. Гавриловым в том, что использование данного термина в российском праве – нонсенс, нежели необходимость. Все дело в том, что имел место некорректный перевод с английского языка понятия «nonpecuniary damage», который было бы правильно трактовать как «вред, не поддающийся точному денежному исчислению».

Безусловно, велика роль в формировании института репутационного вреда Л.О. Красавчиковой, которая в 2001 году в Академическом юридическом журнале издала статью «Компенсация морального вреда субъектам экономической деятельности в случаях причинения вреда их деловой репутации». Еще не будучи судьей Конституционного суда РФ, Л.О. Красавчикова указывает, что законодатель ни в одной из статей ГК не раскрывает категории «моральный вред» применительно к юридическим лицам. Статья посвящена именно случаям причиненного вреда гражданам. Безусловно, эта статья ГК неприменима в отношении юридических лиц. Однако из этого не следует того, что юридическому лицу вообще невозможно причинить моральный вред. Последний, являясь разновидностью вреда неимущественного, может иметь свое собственное, отличное от упомянутого в ст. 151 ГК, содержание в тех случаях, когда речь идет не о гражданах, а о юридических лицах.

Можно утверждать, что теоретические идеи Л.О. Красавчиковой в 2003 году, когда она стала судьей Конституционного Суда РФ, получили официальный правоприменительный статус. Конституционный суд рассмотрел дело по жалобе В.А. Шлафмана на нарушение п.7 ст.152 ГК РФ. Определение РФ от 04.12.2003 N 508-О (далее - Определение N 508-О) говорит нам о следующем: «отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и

характера последствий этого нарушения». Очевидно, что позиция Л.О. Красавчиковой о необходимости компенсации морального (неимущественного) вреда – вреда который имеет отличное от упомянутого в статье 151 ГК РФ содержание, прослеживается в данном определении. Впрочем, напрямую о возможности компенсации юридическому лицу морального вреда не говорится.

Определение №508-О стало краеугольным камнем в вопросе возможности нести юридическим лицом материальные убытки. Рассмотрим основные позиции, сформировавшиеся в отечественном праве.

Первая группа правоведов, во главе с С.В. Потапенко, полагает, что юридическое лицо может испытывать как моральный так и репутационный вред. Причём репутационный вред юридическое лицо может испытывать только в случае, если соответствующие нарушения имели место быть при осуществлении организацией экономической и предпринимательской деятельности, тогда как моральный вред юридическое лицо может претерпевать в отношениях, не имеющих имущественную и экономическую окраску.

Вторая группа юристов, в частности К.И. Скловский, С.Кузин, полагает, что для юридического лица не свойственно испытывать никакой вред – ни моральный, ни репутационный, ни какой-либо другой нематериальный.

Третья группа, к последователям которой относятся И.В. Цветков, Э.А. Цадыкова, Н.Козлова, придерживаются позиции, что юридическое лицо не может испытывать морального вреда, однако оно вправе требовать компенсации вреда репутационного для защиты своих нематериальных благ (прежде всего деловой репутации). Проанализировав мнения всех трех групп ученых, представляется верным остановиться именно на третьей.

На сегодняшний день законодатель не дает нам ответы на такие вопросы как: «что понимать под нематериальным вредом?», «что есть репутационный вред?», «за что необходимо взыскивать компенсацию?». Необходимо нормативное разъяснение данных положений, которое ляжет в основу уже существующей судебной практики по данным вопросам. Пока его нет – представляется верным использовать доктринальные идеи, возникающие по этому поводу.

Е.В. Гавриловым в 2008 году было разработано и апробировано во время устных выступлений с докладами на международных юридических научно-практических конференциях следующее определение: «моральный вред юридическому лицу – это его нематериальный вред, то есть неблагоприятные последствия нематериального характера, которые не поддаются точному исчислению, являются отрицательными и существенными для юридического лица, а также привели или могут привести к возникновению убытков, представляющих собой материальное выражение вреда».

Более 20 лет российское законодательство предоставляло возможность взыскивать моральный вред в пользу юридического лица. Подход законодателя изменился с 1 октября 2013 года. В положения статьи 152 ГК РФ внесены изменения, исключающие взыскивать моральный вред за нарушение репутации юридического лица. Исходя из этого, следует разумный вывод – законодатель посчитал, что моральный вред несовместим с природой юридического лица.

Несмотря на исключение из ст.152 ГК РФ нормы о возможности взыскания морального вреда в пользу юридических лиц, правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Определении №508-О, не утратила своей правовой силы. Таким образом, налицо противоречия, которые не позволяют однозначно решить спор о возможности или невозможности взыскания морального вреда в пользу юридического лица.

В качестве примера рассмотрим дело № А50-21226/2014, рассмотренное Экономической коллегией ВС РФ. Интересно заключается в том, что оно было рассмотрено после внесения изменений в ст. 152 ГК РФ. Арбитражный суд удовлетворил

исковые требования истца о возмещении морального вреда, тем самым проигнорировав изменения в ГК от 1 октября 2013 года и поддержав позицию Конституционного Суда РФ. Экономическая Коллегия ВС РФ, в свою очередь, отменила решение арбитражного суда и отказала в удовлетворении иска, признав выводы, приведенные в решении ошибочными. Аргументация была следующей: из буквального содержания ст. 152 ГК РФ следует, что компенсация морального вреда возможна в случаях причинения такого вреда гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага. В иных случаях компенсация морального вреда может иметь место лишь при наличии прямого указания об этом в законе. Поскольку в действующем законодательстве отсутствует прямое указание на возможность взыскания морального вреда в пользу юридического лица, в связи с чем, оснований для удовлетворения заявленных требований не имелось.

Можно смело утверждать, что требования о денежном возмещении репутационного (нематериального) вреда встречаются почти в каждом исковом заявлении, которое юридические лица подают в арбитражный суд для защиты деловой репутации. Тем интереснее будет следить за формированием данного института в гражданском праве.

1. Гаврилов Е.В. "Нематериальные убытки" в российском праве: нонсенс или необходимый юридический термин? // Арбитражная практика. 2009. №10. С. 3 - 14.
2. Гаврилов Е.В. Состав субъектов при компенсации нематериального (репутационного) вреда // Адвокат. 2009. N 3. С. 27 - 28.
3. Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): Научно-практ. пос./М.А.Рожкова, М.Е.Глазкова, Д.В.Афанасьев - М.: Статут, 2015-270 с
4. Иваненко Ю.Г. Деловая репутация юридических лиц и ее правовая защита // СПС "Гарант".
5. Каменева З.В. Деловая репутация как объект гражданского права // Адвокат. 2014. N 5; СПС "КонсультантПлюс"
6. Красавчикова Л.О. Компенсация морального вреда субъектам экономической деятельности в случаях причинения вреда их деловой репутации // Академический юридический журнал. 2001. N 2. С. 41 – 45
7. Рожкова М.А. Новеллы Гражданского кодекса Российской Федерации: расширен ли круг объектов гражданских прав // Хозяйство и право. 2014. N 3. С. 11.
8. Фроловский Н.Г. Защита деловой репутации юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. N 4 (СПС "КонсультантПлюс")
9. Эрделевский А.М. Защита чести, достоинства и деловой репутации в судебной практике // СПС "КонсультантПлюс".

Ключников С.О.

Проблемные аспекты применения залога в банковской сфере

*Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний”
Институт подготовки государственных и муниципальных служащих
(Россия, Рязань)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-48

idsp: 000001:lj-31-05-2017-48

Аннотация

Целью настоящей статьи является анализ залога как обеспечения банковского кредита, а также нововведения в Гражданский кодекс РФ, касаемо залога и некоторые проблемные аспекты их применения.

Ключевые слова: залог, залогодержатель, залогодатель, банковская система, Гражданский кодекс РФ, нововведение.

В настоящее время банковская система является одним из важнейших институтов рыночной экономики, который осуществляет перераспределение капитала между различными субъектами экономики и, таким образом, обеспечивает эффективность функционирования хозяйственной системы.

Основными расходными операциями банков является кредитование, принципами которого являются возвратность, платность и срочность. Соответственно кредитный риск является одним из основных видов банковских рисков. Кредитный риск представляет собой риск невыполнения обязательств перед кредитной организацией третьей стороной.

В нынешних сложных экономических условиях величина кредитного риска всех банков существенно возросла, что выражается в значительном росте просроченной задолженности заемщиков перед банками.

Также достаточно высока вероятность того, что в ближайшее время количество неплатежеспособных заемщиков увеличится. Причиной этого может стать продолжение спада валового внутреннего продукта страны, вызванного недостаточно эффективной структурой экономики, ее слабой диверсификацией, зависимостью от мировых цен на энергоносители. В случае такого развития ситуации одной из основных задач банков станет возврат предоставленных заемщикам средств.

В связи с этим банки должны быть готовы к такому развитию событий, должны формировать резервы на возможные потери, а также более внимательно и ответственно подходить к процессу кредитования и снижению кредитных рисков, в том числе с помощью использования обеспечения по кредиту. Соответственно, такой вопрос как совершенствование форм обеспечения возвратности кредитов является чрезвычайно актуальным в настоящее время.

Целью настоящей статьи является анализ залога как обеспечения банковского кредита.

Определение залога российское законодательство и его суть изменения не затронули. Во времена римского частного права «залог делался одним из способов вещного обеспечения кредитора, посредством действительной передачи известной вещи, даже с правом продать таковую в случае неудовлетворения». Таким он остался и сейчас. Статья 334 ГК РФ содержит понятие залога. На практике это означает, что в случае неисполнения должником (залогодателем) обязательства заложенная вещь реализуется с торгов, а полученные средства передаются кредитору (залогодержателю). Получить заложенную вещь в натуре в случае ненадлежащего исполнения обязательства залогодержатель может только в случаях, предусмотренных законом.

ГК РФ в прежней редакции предусматривал, что залогодержатель имеет право получить удовлетворение также из страхового возмещения за утрату или повреждение заложенного имущества. Например, весьма распространена практика, когда банки предоставляют кредит на покупку автомобиля при условии, что транспортное средство поступает в залог данной кредитной организации. Одновременно автомобиль должен быть застрахован на условиях КАСКО, а выгодоприобретателем (то есть лицом, получающим страховое возмещение) в случае полной гибели застрахованной вещи является банк.

Также ГК РФ в старой редакции предусматривал возможность удовлетворения требования залогодержателя (кредитора) из суммы причитающегося залогодателю возмещения вследствие изъятия вещи органами власти (п. 1 ст. 354 ГК РФ).

С внесением изменений в ГК РФ возможности залогодержателя в части отыскания альтернативных материальному залогу источников удовлетворения своих требований расширились. Теперь он может получить удовлетворение за счет доходов от использования заложенного имущества третьими лицами. Например, если предметом залога является недвижимое имущество и оно сдается в аренду, залогодержатель (кредитор) может удовлетворить свои требования за счет причитающейся залогодателю

(должнику) арендной платы. Период, за который могут быть взысканы арендные платежи, по всей вероятности, будет начинаться в момент, когда обязательство, обеспеченное залогом не было надлежащим образом выполнено.

Исключительность данного нововведения состоит в следующем. По общему правилу обязательство связывает только тех лиц, которые в него вступили, и не имеет силы для третьих лиц. Именно поэтому обязательственное правоотношение называется относительным, то есть с заранее известным кругом лиц. Вот что писал на этот счет Г.Ф. Шершеневич: «В противоположность вещному правоотношению, в котором праву одного лица соответствует обязанность всех вообще сограждан, без более точного обозначения участников, в обязательственном правоотношении устанавливается полная определенность лиц, участвующих в нем. Отношение существует только между известными лицами и не касается всех прочих сограждан».

Залоговое правоотношение, по крайней мере, в рассматриваемой сейчас части - отношение обязательственное, а потому не должно обременять третьих лиц. Вместе с тем ГК РФ теперь предусматривает, что залогодержатель (кредитор) вправе получить удовлетворение за счет доходов от использования заложенного имущества третьими лицами. Причем, формулировка «вправе получить» не должна никого вводить в заблуждение и расцениваться как абстрактная возможность. Известно, что праву одного - противостоит обязанность другого, поэтому праву залогодержателя (кредитора) должна корреспондировать обязанность того лица, который должен был исполнить свою обязанность в отношении залогодателя (должника). К примеру, если предмет залога является складское помещение, которое находится на праве аренды у третьих лиц, и обеспеченное залогом обязательство не выполнено надлежащим образом, залогодержатель вправе потребовать арендные платежи, а третье лицо (арендатор) обязан их выплатить в том объеме и в том порядке, как это предусмотрено договором между арендатором и арендодателем (залогодателем-должником).

В пользу вывода о том, что третье лицо обязано напрямую исполнить требование залогодержателя (кредитора) говорит еще одна формулировка п. 2 ст. 334 ГК РФ: «причитающиеся доходы». Это означает, что взыскание обращается не на доходы, уже полученные залогодателем, а на доходы, которые третье лицо должно выплатить залогодателю. Здесь же интересно отметить, что в новой редакции ст. 334 ГК РФ закреплено правило, согласно которому к залого недвижимого имущества (ипотеке) применяются правила ГК РФ о вещных правах, а в части, не урегулированной указанными правилами и законом об ипотеке, общие положения о залоге (абз. 2 п. 4). Однако это не означает, что законодатель разрешил давний спор о том, к какому виду отношений относится залоговое - вещному или обязательственному. В данном случае лишь выстроены приоритеты в части применимого законодательства. Кроме того, формулировка «применяются правила» скорее говорит о фикции вещной природы залога. В общем, законодатель оставил простор для размышлений на тему о правовой природе залога.

Еще одной новеллой ГК РФ стало установление квазизалогового отношения, направленного на защиту прав лица, в чьих интересах наложен запрет на распоряжение имуществом. Представим, что суд принял обеспечительные меры в виде ареста или запрета ответчику распоряжаться имуществом (пп. 1, 2 ч. 1 ст. 140 ГПК РФ). Ответчик запрет нарушил и спорную вещь продал. Далее ситуация могла развиваться в зависимости от того, какие именно обеспечительные меры приняты. Если это арест (п. 1 ч. 1 ст. 140 ГПК РФ), то сделка могла быть признана недействительной по основанию, предусмотренному ст. 168 ГК РФ. В лучшем случае имущество вернулось бы во владение ответчика. Если же имущество было перепродано, то ответчик приобрел бы право требовать денежного возмещения, но для истца это абсолютно не интересно. Хуже, если суд применил обеспечительную меру в виде запрета ответчику распоряжаться имуществом (п. 2 ч. 1 ст. 140 ГПК РФ). Здесь к ответчику, нарушившему запрет, могли

быть применены только меры гражданско-процессуальной ответственности в виде штрафа в размере до 1000 рублей (ч. 2 ст. 140 ГПК РФ). Кроме того, истец мог бы потребовать возмещения убытков, но ни то, ни другое не смогло бы заменить возможности удовлетворения требования за счет конкретной вещи.

Таким образом, согласно новым положениям ГК РФ принятие судом любой обеспечительной меры, предполагающей запрет на отчуждение имущества, дает истцу такие же права, как и залогодержателю. В первую очередь, право обратиться взыскание на вещь у кого бы она не находилась. Единственное исключение, которое делается из этого общего правила, содержится в специальной норме - ст. 174.1 ГК РФ, защищающей добросовестного приобретателя имущества, находящегося под запретом на отчуждение. Данный вывод следует из системного толкования ст. 174.1 и п. 5 ст. 334 ГК РФ.

1. Банковские риски: учебное пособие / кол. авторов; под ред. д-ра экон. наук, проф. О.И. Лаврушина и д-ра экон. наук, проф. Н.И. Валенцевой. М: КНОРУС, 2013.232 с.
2. Дорошенко Ю.А., Манин А.В. Технологии и актуальные модели инвестиционного развития регионов и городов Российской Федерации // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2014. № 1. С. 128-132.
3. Егоров А.В., Усманова Е.Р. Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 57.
4. Егоров А.В., Усманова Е.Р. Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 59.
5. Потапенко С.В., Зарубин А.В. Залог по-новому // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 4.
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. По изданию 1907 г. М., 2014. С. 197.

Кузнецов А.А.

Отграничение мошенничества от смежных составов преступлений

*Доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России
(Россия, Омск)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-49

idsp: 000001:lj-31-05-2017-49

Каждое преступление имеет ряд общих признаков с другими преступлениями. «Всякое отдельное, – указывал В. И. Ленин, – тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами)» [8. С. 318]. Трудности при квалификации преступлений главным образом и объясняются этим обстоятельством. Соответственно, для правильной квалификации преступления необходимо четко представлять себе границы со смежными преступлениями. Устанавливая свойственные данному деянию признаки, отбрасывая те признаки, которые ему не присущи, постепенно углубляя анализ и правовой нормы, и фактических обстоятельств содеянного, мы приходим к единственной совокупности признаков, характеризующих данное преступление и отличающих его от других.

Отграничение деяния от смежных составов является важнейшей составляющей процесса квалификации [6. С. 146]. В первую очередь существует необходимость установления четких границ между мошенничеством с одной стороны и кражей (ст. 158 УК РФ), грабежом (ст. 161 УК РФ), присвоением и растратой (ст. 160 УК РФ), причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверием (ст. 165 УК РФ) с другой. Кроме того, мошенничество имеет много общего с такими преступлениями, как незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ), изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ), неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ).

В первую очередь необходимо отграничивать мошенничество от иных видов хищения, а также от причинением имущественного ущерба путем обмана или

злоупотреблением доверием. Данный состав преступления вызывает наибольшую трудность в отграничении на практике, так как указанные деяния посягают на одни и те же объекты, а также имеют аналогичные способы их совершения, такие как «обман» и «злоупотребление доверием». Но имеется явное отличие двух составов.

Этот сложный вопрос Пленум Верховного суда РФ пытался решить в п. 16 своего постановления от 27.12.2007 года № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Главное различие между этими составами заключается в характере причиненного ущерба. Вместе с ним представляется не совсем удачной рекомендация Пленума о возможности причинения при совершении преступлений, предусмотренных ст. 165 УК РФ, реального материального ущерба. К сожалению, Пленум Верховного суда РФ не разъясняет, в каких ситуациях причинение реального материального ущерба подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, а в каких – рассматривает как мошенничество (ст. 159 УК РФ).

В случае причинения имущественного ущерба без признаков хищения отсутствуют такие обязательные признаки мошенничества, как противоправное, совершенное с корыстной целью безвозмездное окончательное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или пользу других лиц, то есть отсутствуют непосредственно сами признаки хищения. Примером такого рода действий является причинение имущественного ущерба собственнику путем незаконной эксплуатации его имущества лицом, которому это имущество вверено по работе.

По способам совершения (обман или злоупотребление доверием) также оно имеет большое сходство с мошенничеством, но отличается от него другим механизмом извлечения незаконной имущественной выгоды [3. С. 727]. Мошенничество, как и другие формы хищения, характеризуется тем, что в результате противоправных действий виновного чужое имущество переходит в его владение, т. е. за счет незаконного изъятия из наличного фонда того или иного собственника происходит уменьшение наличной массы этого имущества. Способы совершения рассматриваемого преступления имеют то же фактическое содержание, что и при мошенничестве [2].

Различна и субъективная направленность обмана и злоупотребления доверием: при мошенничестве они служат средством незаконного и безвозмездного завладения чужим имуществом, а при совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, – средством незаконного удержания у себя имущества, подлежащего передаче лицу, имеющему право на это имущество, благодаря чему виновный не только причиняет имущественный ущерб собственнику или владельцу, но и извлекает определенную имущественную выгоду для себя или для других лиц.

Говоря об отграничении мошенничества от кражи и грабежа, следует заметить, что объективная сторона кражи характеризуется тем, что субъект изымает чужое имущество из владения лица против его воли и без согласия и делает это тайно. Тогда как при мошенничестве сам потерпевший собственник или владелец вещи, вследствие обмана или использования виновным его доверием, выводит имущество из своего владения, передает его преступнику, предоставляет последнему в отношении имущества правомочия владения, пользования, управления и даже распоряжения, если имущество передается в собственность. Таким образом, основное различие заключается в том, что при краже или грабеже обман или злоупотребление доверием является лишь вспомогательным этапом для завладения имуществом, в отличие от мошенничества, при котором эти два способа являются ключевыми.

В отличие от кражи, предметом мошенничества может выступать не только имущество, но и оформленное документально право на имущество. При краже виновный изымает имущество из чужого владения скрытно от собственника или владельца, завладение имуществом происходит вопреки воле потерпевшего, при мошенничестве же собственник или владелец как бы добровольно передают свое имущество виновному во владение или пользование.

Законодатель уголовную ответственность за присвоение и растраты предусматривает в ст. 160 УК РФ «Присвоение или растрата». Содержание присвоения или растраты в ч. 1 ст. 160 УК РФ определяются как «хищение чужого имущества, вверенного виновному». Поскольку законодателем в УК РФ понятие данных форм хищения дается в отечественном уголовном законодательстве впервые, то ранее определения рассматриваемых форм хищения воспроизводились только лишь в уголовно-правовой науке [5. С. 170, 174; 7. С. 367, 372].

Объект этих составов преступлений полностью соответствует объекту любого хищения. Соответственно, предметом данных форм хищения является вверенное имущество.

Первый общий признак состоит в обращении виновным в свою пользу или пользу других лиц имущества посредством незаконного использования правомочий, которыми он наделен в отношении этого имущества. Высшая судебная инстанция констатировала возможность с помощью данного признака отграничить эти формы хищения от кражи. Именно этому обстоятельству был посвящен п. 2 постановления № 4 Пленума Верховного суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества». Так, согласно ему: «Присвоение либо растрата от кражи отличаются тем, что виновный использует имеющиеся у него правомочия в отношении похищаемого им государственного или общественного имущества. Как присвоение либо растрата вверенного или находящегося в ведении государственного или общественного имущества должно квалифицироваться незаконное безвозмездное обращение в свою собственность или в собственность другого лица имущества, находящегося в правомерном владении виновного» [4].

Вторым общим признаком присвоения и растраты, характерно отличающим его от других форм хищения, выступает способ обращения имущества в свою пользу или пользу других лиц. Его содержание состоит в определенных действиях, обеспечивающих невозвращение виновным лицом вверенного ему конкретного имущества. Поскольку данные действия могут быть достаточно разнообразными, то конкретное их содержание зависит от различных фактических обстоятельств [1]. По этому поводу Г. А. Кригер констатирует: «Важно отметить, что, совершая хищения, виновные нередко вначале присваивают вверенное имущество, а затем распоряжаются или пользуются им. Это привело к выдвиганию концепции, согласно которой растрате неизбежно предшествует присвоение» [5. С. 174-175].

Так, согласно вполне логичной позиции В. Фельдблюма: «Необходимо рассматривать хищение совершенным в той форме, в какой виновный первоначально обратил вверенное имущество в свою пользу или пользу других лиц, поставив себя на место собственника. Растрата ранее уже присвоенного имущества не меняет форму хищения с присвоения на растрату, и последняя в этом случае лежит за пределами состава хищения» [9].

Отличие мошенничества от незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) должно происходить по направленности умысла и по цели получения кредитных средств. Если до получения кредита, в том числе и целевого, возник умысел на его изъятие и использование в личных целях, деяние следует квалифицировать как мошенничество. Представление заведомо ложных сведений о хозяйственном положении или финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации расценивается как разновидность обмана. Если обман состоял лишь в способе получения кредитных средств, а их расходование производилось в целях осуществления предпринимательской деятельности, налицо состав преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ. Такого взгляда придерживается большинство ученых, по этому пути идет и судебносудебная практика.

Мошенничество следует отличать от изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ). К предмету преступления по ст. 186

УК РФ не относятся: денежные знаки и ценные бумаги, изъятые из обращения и имеющие лишь коллекционную ценность; билет денежно-вещевой лотереи, поскольку он не является ценной бумагой. Их изготовление с целью сбыта и сбыт квалифицируются как мошенничество.

Критерии отграничения мошенничества от фальшивомонетничества закреплены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг», где указано, что при решении вопроса о наличии либо отсутствии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, необходимо установить, являются ли денежные купюры, монеты или ценные бумаги поддельными и имеют ли они существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками или ценными бумагами. В тех случаях, когда явное несоответствие фальшивой купюры подлинной, исключающее ее участие в денежном обращении, а также иные обстоятельства дела свидетельствуют о направленности умысла виновного на грубый обман ограниченного числа лиц, такие действия могут быть квалифицированы как мошенничество. Изготовление таких поддельных денежных знаков будет квалифицироваться как приготовление к мошенничеству.

Анализ норм Особенной части УК РФ приводит к выводу, что вся их совокупность не может рассматриваться как завершённая логическая система, построенная по одним и тем же правилам. Так как уголовное законодательство создавалось на протяжении длительного исторического периода и неоднократно изменялось, система норм Особенной части представляет собой довольно пеструю картину. Есть нормы, увязанные между собой в четкую систему. Разграничение между ними можно провести с достаточной точностью. Различие между другими нормами не является столь очевидным.

Итак, в результате сравнения мошенничества со смежными составами преступления, следует отметить, что мошенничество довольно часто бывает сложно различить со смежными составами преступлений, особенно с преступлениями против собственности, в основном это связано с общим родовым объектом и корыстными мотивом и целью. В случае совершения такого преступления как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием общей является и объективная сторона преступлений. Тем не менее, всегда есть определенные признаки, по которым можно отличить мошенничество и смежные составы преступлений, в частности, наиболее существенно мошенничество отличается от других по объекту и объективной стороне, во-вторых, специфическим способом совершения данного преступления - обман или злоупотребление доверием, а субъект и субъективная служат дополнительными признаками для отграничения.

1. Асеев А.А. Отграничение мошенничества от присвоения или растраты: вопросы правильной квалификации и оптимизации уголовно-правовой борьбы с данными формами хищения чужого имущества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск № 3. Том 83. 2010 г.
2. Бакрадзе А.А. Отличие мошенничества от причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Российский следователь. 2009. № 1.
3. Бойцов А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. СПб., 2002.
4. Бюллетень Верховного суда СССР. 1972. № 6; 1977. № 6; 1982. № 1; 1984. № 4.
5. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974.
6. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972.
7. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. М., 1970. С. 367, 372;
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5. Том 29. Философские тетради. Москва, 1969.
9. Фельдблом В. Квалификация хищений, совершенных путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением // Советская юстиция. 1975. № 19.

Лебедева А.Н.

К вопросу о понятии реального и консенсуального договора

*Набережночелнинский филиал ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)»
(Россия, Набережные Челны)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-50

idsp: 000001:lj-31-05-2017-50

Аннотация

Статья посвящена анализу правовой природы реальных и консенсуальных договоров. Сделан вывод, что при заключении договора необходимо в каждом конкретном случае определять его правовую природу и в соответствии с этим формулировать его условия и осуществлять действия по его исполнению.

Ключевые слова: реальный договор, консенсуальный договор, непоименованный договор

Проблема реальности и (или) консенсуальности договора является актуальной для судебно-арбитражной практики, анализ которой позволяет сделать вывод о том, что сторонами, а в некоторых случаях и судом, не всегда правильно понимаются нормы действующего законодательства относительно правовой природы этих договоров.

Понятие реальных и (или) консенсуальных договоров в законодательстве не раскрыто. Это понятие традиционно для цивилистики и выведено доктриной гражданского права, что нашло свое отражение в п. 1, 2 ст. 433 ГК РФ.

Для заключения некоторых договоров законом может быть предусмотрена необходимость передачи имущества (п. 2 ст. 433 ГК РФ). Это реальные договоры, для заключения которых помимо достижения соглашения по всем существенным условиям необходима еще и передача имущества. Именно с момента передачи имущества такие договоры считаются заключенными. При этом передача имущества может состояться как в момент достижения соглашения по всем условиям договора, так может быть и отсрочена во времени. В любом случае передача имущества для таких договоров – это обязательное условие их заключения, окончательная реализация намерений сторон заключить договор, условия которого выражены в их соглашении. Следует отметить, что реальные договоры в гражданском праве встречаются гораздо реже, чем консенсуальные.

В.В. Груздев выделяет следующие типы: договор дарения, не связанный с обещанием дарения; договор ренты; договор безвозмездного пользования, за исключением договора, по которому ссудодатель обязуется передать вещь ссудополучателю; договор перевозки; договор займа; договор финансирования под уступку денежного требования, за исключением договора, по которому финансовый агент обязуется передать клиенту денежные средства в счет денежного требования клиента к третьему лицу; договор банковского вклада; договор хранения, не связанный с обязанностью профессионального хранителя принять вещь на хранение в будущем; договор страхования; договор доверительного управления имуществом.

Перечень выделяемых В.В. Груздевым типов реальных договоров является неполным, поскольку он называет лишь договоры, которые находятся в ч. 2 ГК РФ. Необходимо отметить, что полный перечень реальных договоров дать затруднительно, поскольку условие о реальности может быть предусмотрено помимо ГК РФ и другим законом. В самом Кодексе в качестве реальных договоров можно выделить также соглашение о задатке (ст. 380), договор залога имущества, подлежащего передаче залогодержателю (ст. 341). Дискуссионной является правовая природа соглашения об отступном.

В законодательстве условие о реальности договора формулируется следующими способами:

во-первых, путем указания на необходимость передачи имущества как условие заключения договора. Так, договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей (абз. 2 п. 1 ст. 807 ГК РФ), договор страхования вступает в силу в момент уплаты страховой премии или первого ее взноса (п. 1 ст. 957 ГК РФ);

во-вторых, путем указания в договоре, что кредитор «передает», а не «обязуется передать» (последнее свойственно консенсуальным договорам).

Правда, иногда стороны необоснованно считают реальными все договоры о передаче имущества. Так, в постановлении ФАС Волго-Вятского округа указано, что заявитель жалобы ошибочно считает реальным договоры аренды; в постановлении ФАС Северо-Западного округа о суд указал на ошибочность взглядов заявителя на реальность правовой природы кредитного договора.

Поскольку виды договоров, для заключения которых необходима передача имущества (реальные договоры), должны быть предусмотрены законом (п. 2 ст. 433 ГК РФ), то получается, что их перечень является исчерпывающим. Более того, условие о реальности договора является императивным, поэтому стороны не могут заключить реальный по правовой природе договор в форме консенсуального. Так, договор займа ни при каких условиях не может быть консенсуальным. В противном случае условия договоров, позволяющие считать консенсуальным реальный по природе договор, должны признаваться недействительными, а такой договор в случае непередачи имущества незаключенным.

Поскольку перечень реальных договоров является исчерпывающим, то стороны лишены права придавать статус реальной сделки и так называемым непоименованным договорам. Непоименованные договоры, возможность заключения которых предусмотрена п.2 ст.421 ГК РФ, всегда являются консенсуальными. В случае, если такой договор содержит условие о том, что он считается заключенным с момента передачи имущества, такое условие считается недействительным, а непоименованный договор как консенсуальный по природе заключенным.

Сложнее обстоит дело со смешанными договорами. В отношении них в правовой науке высказывается мнение об учете в соответствующих частях правил о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, их равнозначности или соподчиненности. Поэтому в каждом конкретном случае в зависимости от доминирования в смешанном договоре элементов того или иного договора должен решаться вопрос о его правовой природе.

Стороны не вправе своим волеизъявлением изменить и консенсуальную природу договора. В практике часто встречаются случаи, когда заключаются, например, договоры аренды, купли-продажи недвижимости и т.д., в которых указывается, что они вступают в силу с момента передачи имущества по акту приема-передачи. Такие договоры не могут быть признаны незаключенными в случае непередачи имущества, поскольку стороны не вправе своим волеизъявлением придать консенсуальной природе договора реальный характер. В данном случае такие условия в договоре должны признаваться недействительными как противоречащие п. 2 ст. 433 ГК РФ, а договоры заключенными.

Необходимо учитывать, что некоторые договоры в ГК РФ сформулированы альтернативно, т.е. Кодекс допускает и консенсуальный, и реальный характер таких договоров, ставя решение этого вопроса в зависимость от волеизъявления сторон. Так сформулированы договоры залога, дарения, безвозмездного пользования (ссуды), финансирования под уступку денежного требования, по которым одна сторона «передает» (реальный) или «обязуется передать» (консенсуальный) другой стороне определенное имущество. Применительно к данным видам договоров в каждом конкретном случае сторонам необходимо четко формулировать его условия. Из текста договора должна явствовать воля на заключение конкретного типа договора (реального

или консенсуального). Если такого условия в договоре не окажется, то правовую природу договора определять следует, применяя толкование его условий в соответствии со ст. 431 ГК РФ.

Таким образом, при заключении договора необходимо в каждом конкретном случае определять его правовую природу и в соответствии с этим формулировать его условия и осуществлять действия по его исполнению.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая / Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. –1996. –№ 5. –Ст. 410.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая / Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. // Собрание законодательства РФ. –1994. –№ 32. – Ст.3301.
3. Груздев В.В. Реальные договоры в российском гражданском праве // Право и экономика. –2001. –№ 1. – С. 33-35.
4. Ковалева Н.В. Деление сделок на консенсуальные и реальные в цивилистике // Вестник Костромского государственного технологического университета. –2008. – № 19. –С. 48-51.
5. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10 октября 2011 г. № А29-1329/11-2э «Договор аренды является консенсуальным и считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения по его существенным условиям. Момент вступления договора в силу не связывается с передачей арендованного имущества арендатору» // Режим доступа: <http://base.garant.ru/8542295/>
6. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 октября 2010 г. № А05-2327/10-5/22 «По иску Банка о взыскании солидарно с ОАО и предпринимателя-поручителя задолженности по кредитному договору, процентов за пользование кредитом, пени за несвоевременный возврат кредита, пени за несвоевременную уплату процентов и расходов по госпошлине» // Режим доступа: <http://base.garant.ru/7966781/>
7. Токарева К.Г. О консенсуальном характере договора аренды // Альманах современной науки и образования. – 2009. – №7 (26). Часть 2. – С.146-147.
8. Токарева К.Г. О проблемах правовой конструкции договора аренды // Современное право. –2006. –№ 10. – С. 28-31.

Николаев А.Г.

Субъекты органов внутренних дел и решаемые ими задачи в сфере охраны собственности

(Россия, Москва)

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-51

idsp: 000001:lj-31-05-2017-51

Аннотация

Данная научная статья посвящена построению государственной системы охраны собственности, определяет место и роль функциональных подразделений полиции МВД России, участвующих в охране общественного порядка в рассматриваемой сфере административно-правовых отношений.

Ключевые слова: охрана, собственность, государственная система охраны собственности, административно-правовая охрана собственности, подразделения полиции, участвующие в охране общественного порядка, подразделения участковых уполномоченных полиции, подразделения патрульно-постовой службы, подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения, подразделения по исполнению административного законодательства, подразделения по делам несовершеннолетних, подразделения по делам несовершеннолетних.

Реализация права защиты имущества государственными органами основана на формировании концептуальных задач и способов реализации государственной политики в сфере имущественной безопасности и осуществлении комплекса взаимосвязанных мер

правового, социального и технического характера. В связи с этим обеспечение имущественной безопасности с помощью государственных структур является одним из основных направлений деятельности правоохранительных органов государства.

Должностные лица органов внутренних дел отдельных подразделений, участвующих в охране общественного порядка, наделены соответствующими их административно-правовому статусу правами и обязанностями по профилактике, выявлению и пресечению административных правонарушений в области охраны собственности [Ошибка! Источник ссылки не найден., 112с.].

Подразделения участковых уполномоченных полиции играют важную роль в профилактике преступлений и иных правонарушений в области сохранности собственности, а также охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

При несении службы участковый уполномоченный полиции (далее – УУП) в данном направлении:

- ✓ предупреждает и пресекает преступления и административные правонарушения в области охраны собственности;
- ✓ выявляет и раскрывает преступления;
- ✓ осуществляет производство по делам об административных правонарушениях в области охраны собственности [Ошибка! Источник ссылки не найден., 192с.];
- ✓ принимает участие в государственном федеральном контроле в области оборота оружия (к примеру, законность владения, условия хранения и сохранности оружия).

Свою служебную деятельность УУП осуществляет на административном участке, который приказом начальника территориального органа МВД России на районном уровне закрепляется: в городах - исходя из численности проживающего населения и граждан, состоящих на профилактическом учете, в сельской местности - в границах одного или нескольких объединенных общей территорией сельских населенных пунктов, на территории закрытого административно-территориального образования - в границах контролируемой зоны, в соответствии с установленными нормативами их штатной численности (ст.10 Приказа МВД России №1166-2012г.).

Участковый уполномоченный полиции при несении службы на административном участке обязан:

- ✓ принимать заявления, сообщения и иную информацию о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях, незамедлительно передавать полученную информацию оперативному дежурному с использованием всех доступных средств связи, при прибытии на участковый пункт полиции либо в иное служебное помещение записывать полученную информацию в журнал учета приема граждан, их обращений и заявлений (ст.37.1. Приказа МВД России №1166-2012г.).
- ✓ принимать при чрезвычайных ситуациях неотложные меры по спасению граждан, охране имущества, оставшегося без присмотра, содействовать в этих условиях бесперебойной работе спасательных служб; обеспечивать общественный порядок при проведении карантинных мероприятий во время эпидемий и эпизоотий (ст.37.10. Приказа МВД России №1166-2012г.).
- ✓ изымать у граждан и должностных лиц документы, имеющие признаки подделки, а также вещи, изъятые из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособные, находящиеся у них без специального разрешения, а также при наличии иных оснований, предусмотренных законодательством Российской Федерации, с составлением протокола и вручением его копии указанным гражданам и должностным лицам (ст.37.18. Приказа МВД России №1166-2012г.).

Действия участкового уполномоченного полиции при проведении профилактического обхода административного участка:

- профилактический обход административного участка включает в себя посещение зданий, строений и сооружений, расположенных на административном участке (при необходимости обследуются подъезды, чердачные и подвальные помещения жилых домов, пустующих и подлежащих сносу строений); посещение лиц, состоящих на профилактических учетах в органах внутренних дел; ознакомление с жильцами квартир (жилых домов, комнат) с соблюдением требований ст.15 ФЗ «О полиции», встречи для решения вопросов взаимодействия с собственниками или представителями собственников объектов, расположенных на административном участке (ст.41. Приказа МВД России №1166-2012г.).
- при проведении профилактического обхода участковый уполномоченный полиции обязан разъяснять гражданам о мерах предосторожности в целях предупреждения преступлений и административных правонарушений, направленных на обеспечение их личной и имущественной безопасности (в том числе: установке дверных замков, смотровых глазков, камер видеонаблюдения, видеодомофонов и других технических средств защиты; постановке квартир под охрану подразделений вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации, иных охранных организаций; информировании дежурной части территориального органа МВД России на районном уровне или непосредственно участкового уполномоченного полиции о появлении на административном участке подозрительных лиц, брошенного, бесхозного автотранспорта или иных предметов) (ст.45. Приказа МВД России №1166-2012г.).

При ознакомлении с объектами, расположенными на административном участке, участковый уполномоченный полиции обязан:

- обращать внимание на техническую укрепленность окон, дверей, запасных входов (выходов), смежных стен объектов с подъездами, квартирами, жилыми домами, а также на то, сдаются ли данные объекты под охрану (сигнализацию) (ст.48.1. Приказа МВД России №1166-2012г.);
- устанавливать вид охраны объектов, наличие у сотрудников охраны оружия, необходимых разрешительных документов на осуществление охранной деятельности (ст.48.2. Приказа МВД России №1166-2012г.);
- проводить разъяснительную работу с сотрудниками охраны и гражданами, работающими на объектах, о принятии мер по сохранности имущества (в том числе о целесообразности установки охранной сигнализации), о действиях в чрезвычайной ситуации, при угрозе совершения террористического акта (ст.48.3. Приказа МВД России №1166-2012г.).

Результаты ознакомления с объектами заносятся в паспорт на административный участок. При получении в результате профилактического обхода информации о лицах, которые могут быть причастны к совершению преступлений и административных правонарушений, участковый уполномоченный полиции докладывает рапортом на имя начальника территориального органа МВД России на районном уровне.

Также УУП принимает участие в мероприятиях по контролю за обеспечением условий хранения (сохранностью) гражданского, служебного, боевого и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан. При выявлении правонарушений в области оборота оружия в пределах компетенции принимает меры по привлечению лица к предусмотренной законодательством ответственности, изъятию оружия и патронов к

нему и докладывает рапортом на имя начальника территориального органа МВД России (ст.80.2.1. Приказа МВД России №1166-2012г.).

Существуют определенные особенности несения службы участковым уполномоченным полиции в сельском поселении по сохранности имущества собственников, к примеру, УУП при несении службы в сельском поселении должен:

- ✓ знать в пределах своего административного участка местонахождение селений, хуторов, усадеб, фельдшерско-акушерских пунктов, ветеринарных пунктов, станций, скотопрогонных дорог, ферм, а также направление и состояние рек, шоссейных, грунтовых и железных дорог, горных троп, лесов, степень их проходимости, местонахождение и состояние гатей, мостов, переправ, бродов, а также местонахождение болот и степень их проходимости (ст.82.1. Приказа МВД России №1166-2012г.);
- ✓ посещать ежемесячно наиболее крупные населенные пункты, рынки, станции, пристани, аэродромы и другие общественные места с массовым пребыванием граждан, а также осматривать малопосещаемые места, заброшенные строения и территории (ст.82.2. Приказа МВД России №1166-2012г.).

Подразделения патрульно-постовой службы осуществляют предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений имущественного характера на постах и маршрутах патрулирования [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. При реализации своих функций, данные подразделения пресекают противоправные деяния и задерживают лиц, совершивших преступления, по «горячим следам».

Сотрудники подразделений ППСП, заступающие на службу, в целях выявления и предупреждения правонарушений против собственности должны знать (ст. 65 Устава ППСП):

- ✓ приметы лиц, транспортных средств и иного имущества, объявленных в розыск;
- ✓ месторасположение в районе поста (маршрута) особо важных объектов и объектов жизнеобеспечения, органов государственной власти, правоохранительных органов, подразделений пожарной охраны, общежитий, предприятий, организаций и учреждений, спортивных и культурно-зрелищных объектов, предприятий общественного питания, торговли, здравоохранения и режим их работы, остановок общественного транспорта.

Во время службы наряды должны обращать особое внимание на (ст. 72 Устава ППСП):

- лиц, часто появляющихся у объектов, где хранятся, находятся в обращении материальные ценности, банковских учреждений, торговых предприятий, складов, баз и проявляющих интерес к состоянию окон, дверей, запоров, ограждений, режима работы и организации охраны;
- лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством;
- целостность дверей, витрин и окон магазинов и других учреждений, где хранятся ценности;
- подозрительные шумы, появление огня или дыма в зданиях и на объектах.

Главная задача ППСП в сфере сохранности собственности – это лишение подозреваемого (подозреваемых) в совершении преступления и правонарушения имущественного характера, возможности продолжить противоправные действия и его (их) задержание, а также оказание помощи потерпевшим.

Подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения при исполнении государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения реализуют следующие административные процедуры для

выявления и пресечения преступлений и правонарушений применительно к сфере сохранности собственности (п.31 Приказа МВД России №185-2009г.**[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**):

- проверка идентификационного номера, номера кузова, шасси, двигателя транспортного средства, документов, государственных регистрационных знаков, технического состояния транспортного средства;
- задержание транспортного средства;
- осмотр транспортного средства и груза;
- досмотр транспортного средства;
- личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице;
- изъятие вещей и документов;
- арест вещей;
- изъятие вещей и документов;
- арест вещей.

При осуществлении контроля за дорожным движением принимаются меры к выявлению и задержанию транспортных средств, находящихся в розыске **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**; пресечению преступлений и нарушений общественного порядка и безопасности.

При выявлении транспортных средств, находящихся в розыске по ориентировкам или по оперативно-справочным учетам, лиц, находящихся в розыске или подозреваемых в совершении преступлений, соответствующая информация передается дежурному, дальнейшие действия осуществляются в соответствии с его указаниями.

При установлении в ходе осуществления действий, связанных с остановкой транспортного средства, признаков состава или события преступного деяния, принимаются меры к задержанию лиц, причастных к его совершению, соответствующая информация докладывается дежурному для принятия решения о вызове следственно-оперативной группы либо доставления задержанных в орган внутренних дел.

Наиболее часто деятельности сотрудников ДПС ГИБДД применяются следующие административные меры по выявлению похищенного имущества:

1. Осмотр транспортного средства и груза: основаниями для осмотра транспортного средства и груза, то есть визуального обследования транспортного средства и перевозимого груза, являются:

- ✓ ориентировки, иная информация об их использовании в противоправных целях;
- ✓ необходимость проведения сверки маркировочных обозначений транспортного средства с записями в регистрационных документах
- ✓ наличие признаков несоответствия перевозимого груза данным, указанным в документах на перевозимый груз;

О проведении осмотра транспортного средства и груза по основаниям, предусмотренным ФЗ «О полиции», сотрудник составляет акт осмотра транспортного средства и груза.

2. Досмотр транспортного средства: основаниями для досмотра транспортного средства, то есть обследования транспортного средства, проводимого без нарушения его конструктивной целостности, являются:

- ✓ проверка обоснованного предположения о наличии в транспортном средстве оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывчатых веществ, взрывных устройств, наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров либо ядовитых или радиоактивных веществ <
- ✓ проверка обоснованного предположения о наличии орудий совершения либо предметов административного правонарушения в транспортном средстве или следов административного правонарушения на транспортном средстве.

О досмотре транспортного средства в соответствии с положениями статьи КоАП РФ составляется протокол или делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании.

В случае одновременного возникновения обстоятельств, требующих реагирования сотрудника, в приоритетном порядке осуществляются действия, направленные на сохранение жизни и здоровья граждан, объектов государственной охраны, предупреждение дорожно-транспортных происшествий.

Подразделения по исполнению административного законодательства, в том числе подразделения по содержанию лиц, арестованных в административном порядке, реализуют деятельность, направленную на организацию и выполнение подразделениями полиции задач по предупреждению и пресечению административных правонарушений, отнесенных законодательством к компетенции органов внутренних дел, а также обеспечению производства по делам об административных правонарушениях, исполнения административных наказаний [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Для реализации поставленных задач, указанные подразделения осуществляют следующие функции, направленные на:

- ✓ выработку системного подхода к осуществлению подразделениями полиции административной практики в условиях неукоснительного соблюдения требований законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях и нормативных правовых актов Министерства внутренних дел Российской Федерации в сфере его применения (п.15. Приказа МВД России №1156-2012г.);
- ✓ оказание практической помощи подразделениям полиции при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях, пресечении административных правонарушений, требующих проведения административного расследования, а также рассматриваемых в порядке арбитражного процессуального производства в установленных законодательством случаях (п.21. Приказа МВД России №1156-2012г.);
- ✓ участие в формировании банков данных о лицах, в отношении которых осуществляется производство по делам об административных правонарушениях, и подготовке статистических отчетностей, содержащих сведения о деятельности органов внутренних дел по административной практике (п.24. Приказа МВД России №1156-2012г.).

Подразделения по делам несовершеннолетних, в том числе подразделения для временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (далее - ПДН), проводят индивидуальную профилактическую работу в отношении несовершеннолетних правонарушителей, а также выявляют лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления и (или) антиобщественных действий или совершающих в отношении несовершеннолетних другие противоправные деяния, а также родителей несовершеннолетних или иных их законных представителей и должностных лиц, не исполняющих или ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Основной метод административной деятельности территориальных ПДН в противодействии имущественным преступлениям и административным правонарушениям среди несовершеннолетних - это метод убеждения, связанный с проведением разъяснительной профилактической работы по месту обучения и жительства несовершеннолетних, а также метод принуждения, в виде пресечения наказуемых противоправных деяний в исследуемой области [**Ошибка! Источник ссылки не найден., С.7-17.**], и подготовка материалов на злостных несовершеннолетних правонарушителей для их изоляции от общества.

Подразделения по охране дипломатических представительств и консульств иностранных государств реализуют основные задачи, связанные с сохранностью собственности [Ошибка! Источник ссылки не найден.]:

- обеспечением охраны и безопасности представительств и консульств с целью их защиты от несанкционированного проникновения, противоправных действий и иных преступных посягательств;
- охраной общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, пресечение преступлений и административных правонарушений на территории, непосредственно прилегающей к представительствам и консульствам, в том числе во взаимодействии с другими подразделениями органов внутренних дел.

Реализация указанных задач данных подразделений в сфере обеспечения имущественной безопасности осуществляется посредством исполнения следующих функций:

- ✓ обеспечивают неприкосновенность представительств и консульств, их защиту от противоправных посягательств, пресекают попытки совершения преступных, провокационных и иных действий, которые могут привести к осложнению межгосударственных отношений и другим нежелательным последствиям;
- ✓ обеспечивают совместно с другими подразделениями органов внутренних дел охрану представительств и консульств в период подготовки и проведения протокольных мероприятий, а также других публичных мероприятий;
- ✓ принимают, по согласованию с администрацией представительств и консульств, неотложные меры по обеспечению охраны и безопасности сотрудников представительств и консульств, членов их семей, а также помещений и имущества в случае чрезвычайных происшествий;
- ✓ проводят анализ и оценку состояния охраны представительств и консульств, обеспечения правопорядка на территории, непосредственно прилегающей к представительствам и консульствам. Ведут учет результатов своей деятельности, подготавливают соответствующие информационные и отчетные документы, изучают и внедряют передовые формы и методы организации работы;
- ✓ вносят в подразделения организации охраны общественного порядка и взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления территориальных органов МВД России на региональном уровне или отдел (отделение, группу) охраны общественного порядка территориальных органов МВД России на районном уровне соответствующие предложения по организации охраны и обеспечению безопасности представительств и консульств, а также по взаимодействию с другими правоохранительными органами.
- ✓ участвуют в пределах своей компетенции в подготовке проектов нормативных правовых актов по вопросам охраны и обеспечения безопасности представительств и консульств;
- ✓ участвуют в установленном порядке в подготовке и реализации федеральных, региональных и иных программ и мероприятий по охране и обеспечению безопасности представительств и консульств;
- ✓ осуществляют иные полномочия, предусмотренные законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

В России сохраняется тенденция, когда число преступных посягательств на чужое имущество (в частности кражи, грабежи и разбои) составляет больше половины от всех регистрируемых преступлений и их доля постоянно растет. Кроме того, по различным причинам собственники имущества не всегда сообщают в правоохранительные органы о

случаях посягательств на принадлежащее им имущество. Обеспечение имущественной безопасности предполагает нейтрализацию угроз правового режима имущества по его владению, пользованию и распоряжению.

Государство в лице сотрудников подразделений полиции гарантирует защиту от противоправных посягательств в отношении имущества, находящегося в собственности или на ином правовом основании у граждан и организаций.

1. Приказ МВД РФ от 17.02.1994 № 58 (ред. от 12.09.2000) «О мерах по усилению борьбы с преступными посягательствами на автотранспортные средства» (вместе с «Инструкцией по розыску автотранспортных средств»).
2. Приказ МВД России от 29.01.2008 № 80 (ред. от 12.02.2015) «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» (вместе с «Уставом патрульно-постовой службы полиции»).
3. Приказ МВД России от 26.05.2008 № 460 (ред. от 31.10.2013) «Об утверждении Типового положения о подразделениях по охране дипломатических представительств и консульств иностранных государств территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации».
4. Приказ МВД России от 02.03.2009 № 185 (ред. от 22.12.2014) «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения».
5. Приказ МВД России от 29.12.2012 № 1156 «Об утверждении Типовых положений о подразделениях организации применения административного законодательства и подразделениях по исполнению административного законодательства».
6. Приказ МВД России от 31.12.2012 № 1166 (ред. от 08.09.2016) «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции».
7. Приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации».
8. Бецков А.В., Елагин А.Г., Николаев А.Г. Административно-правовые средства организации деятельности подразделений полиции специального назначения, при обеспечении общественного порядка: учебное пособие. – Издание второе, доработанное. – М.: ТЕИС, 2015. – 112 с.
9. Гендеев Э. Н., Николаев А. Г. Административно-правовые отношения, возникающие в деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел на объектах транспортной инфраструктуры // Электронный научный журнал «Транспортное право и безопасность» №2(2) 2016. С.7-17.
10. Шевцов А.В., Семенистый А.В., Ускова А.С., Николаев А.Г., Коновалов А.А. Полномочия сотрудников органов внутренних дел при осуществлении административно - юрисдикционного производства: учебное пособие. - М.: Академия управления МВД России, 2016. – 192с.

Слепкова О.В.

Основания изменения и прекращения ипотеки жилых помещений

*Набережночелнинский филиал ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)»
(Россия, Набережные Челны)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-52

idsp: 000001:lj-31-05-2017-52

Аннотация

В статье рассмотрены основания, в силу которых изменяются и прекращаются ипотечные отношения. Анализируются проблемы, связанные с регулированием процесса реализации заложенного имущества с публичных торгов.

Ключевые слова: договор ипотеки, ипотека жилья, изменение и прекращение ипотеки, несвоевременная уплата

Возможность изменять и расторгать ипотечный договор, заключенный между залогодателем и залогодержателем, позволяет действовать им с максимальной выгодой в условиях нестабильной экономической ситуации.

Договор ипотеки жилья может быть изменен или расторгнут по следующим основаниям: по соглашению сторон; по требованию одной из сторон, при существенном нарушении условий договора другой стороной, только на основании решения суда.

Существенное нарушение условий договора является юридическим фактом, позволяющим потерпевшей стороне в одностороннем порядке и без согласования с противоположной стороной договора прекратить исполнение своей части обязательств по договору.

Неисполнение обязательства характеризуется тем, что действия, которые должен был совершить должник, не совершаются, и блага, которые должен был получить кредитор, им не приобретаются. Основная цель ипотечного обязательства, заключается в том, чтобы заемщик-залогодатель осуществлял ежемесячные платежи, предусмотренные условиями договора. Значит, неуплата в срок может быть существенным нарушением условия ипотечного договора. Статья 50 Закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» нарушением сроков называет неуплату или несвоевременную уплату суммы долга полностью или в части.

Понятие «неуплата в срок» подразумевает невнесение платежа в обусловленный срок, то понятие «несвоевременная уплата» можно трактовать как внесение платежа, но только позже обусловленного срока, например, на следующий день, и в этом случае залогодержатель может требовать расторжения договора и досрочного исполнения обязательства по ипотеке. Данную меру можно назвать неоправданно «жесткой», особенно в условия экономического кризиса.

Действующая в настоящее время норма ст. 352 ГК РФ также содержит исчерпывающий перечень оснований прекращения залога. Однако ст.352 ГК РФ не предусматривает таких важных оснований прекращения залога как прекращение по соглашению сторон, прекращение по решению суда и прекращение в связи с переходом права собственности к залогодержателю. Что касается прекращения гражданских прав и обязанностей по решению судебных органов, ГК РФ вообще не предусматривает такой возможности.

По всей видимости, исходя из существа гражданско-правового института залога, принципа свободы договора и положений процессуальных кодексов об обязательности исполнения вступивших в законную силу судебных решений. Все-таки можно говорить о том, что залог может быть прекращен как судебным решением, так и по согласию сторон, а также переходом права собственности на заложенное имущество.

Ряд проблем также связан с регулированием процесса реализации заложенного имущества с публичных торгов. Статья 349 ГК РФ предусматривает две формы реализации – порешению суда и на основании нотариально удостоверенного соглашения залогодателя с залогодержателем.

Однако п. 1 ст.350 ГК РФ устанавливает, что реализация заложенного имущества производится с публичных торгов «в порядке, установленном процессуальным законодательством, если не установлен иной порядок». Но в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством, торги организуются судебным исполнителем и проводятся по исполнительным документам, исчерпывающий перечень которых содержится в ГПК РФ.

Заключение договора на торгах регулируется также ст. 447,448 ГК РФ, однако в указанных нормах прямо не указывается, что они применяются для залоговых отношений.

Не урегулирован также вопрос о том, каким актом должно формироваться право собственности залогодержателя в случае о становления последним предмета залога за собой при объявлении повторных торгов не состоявшимися. Представляются возможными такие документы, как заявление в адрес регистрирующего органа, специального решения залогодержателя либо и то и другое.

Есть также еще одна проблема. В соответствии с п.4 ст.350 ГК РФ, если залогодержатель не воспользуется правом оставить за собой предмет залога в течение месяца со дня объявления повторных торгов несостоявшимися, договор о залоге

прекращается. Право собственности залогодержателя на недвижимость возникает только после государственной регистрации данного права.

При залоге права аренды на недвижимое имущество в договоре о залоге прав отражаются дополнительные права и обязанности сторон. В частности, залогодатель должен своевременно вносить арендную плату, а залогодержатель вправе требовать в суде перевода заложенного права на себя, если залогодатель не исполняет свои обязанности.

Закон предусматривает прекращение права собственности залогодателя на предмет ипотеки вследствие выкупа (например – бесхозяйственно содержимых культурных ценностей) для государственных или муниципальных нужд, реквизиции (ст.242 ГК РФ) или национализации (ст.235 ГК РФ) предмета ипотеки. В таких случаях залогодатель получает другое имущество или соответствующую компенсацию и право залога будет распространяться на это имущество либо залогодержатель приобретает право преимущественного удовлетворения своего требования из суммы полученной залогодателем компенсации. В случаях, когда предмет ипотеки изымается у залогодателя по виндикационному иску в пользу законного собственника имущества (ст.301 ГК РФ) либо в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения, залог в отношении этого имущества прекращается.

В приведенных выше случаях залогодержатель вправе потребовать от должника досрочного исполнения обязательства, обеспеченного ипотекой. Залогодержатель имеет право требования досрочного исполнения обязательства и в том случае, если предмет залога погиб или поврежден либо право собственности или хозяйственного ведения на него прекращено, и залогодатель в разумный срок не восстановил его или не заменил другим равноценным имуществом. Замена предмета залога допускается только с согласия залогодержателя, если законом или договором об ипотеке не предусмотрено иное.

Залогодержателю принадлежит право преимущественного удовлетворения своего требования по основному обязательству из страхового возмещения за утрату или повреждение предмета ипотеки, независимо от того, кто является выгодоприобретателем по договору страхования.

Основанием для погашения регистрационной записи об ипотеке является одностороннее заявление законного владельца закладной. Кроме того, регистрационная запись может погашаться в результате совместного заявления залогодателя и залогодержателя (в тех случаях, когда закладная не выдавалась, а только заключался договор ипотеки). Наконец, ипотека может прекращаться на основании решения суда о ее прекращении. Данное решение может быть вынесено судом, как по общим основаниям прекращения обязательств, так и по специфическим основаниям прекращения ипотеки. Так, ипотека, будучи акцессорным (дополнительным) обязательством по отношению к основному обязательству, прекращается в связи с прекращением основного обязательства. Ипотека прекращается также в связи с признанием недействительной или расторжением собственно ипотечной сделки. Погашение регистрационной записи об ипотеке предполагает аннулирование и закладной.

1. Бородин В.Б. Договор ипотеки: правовое регулирование. – СПб.: Питер, 2009. – 150 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая / Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. // Собрание законодательства РФ. –1994. –№ 32. – Ст.3301.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
4. Логинов М.П. Ипотечное жилищное кредитование в России // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства. – 2014. – №9. – С. 116-118.
5. Ризк О.А. Ипотечное жилищное кредитование в современном гражданском праве / Автореферат дисс. на соискание ученой степени к.ю.н. – Краснодар, 2010. – 25 с.
6. Токарева К.Г. Форма и способы обеспечения исполнения обязательства по выплате ренты // Актуальные вопросы права и правоприменительной практики: материалы «круглого стола», проведенного в нижекамском филиале Московского гуманитарно-экономического института 11 сентября 2008 г. Выпуск 3. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2008. – 152 с. – С.112-117.

7. Титов К.Л. Существенные условия договора ипотеки // Законность. – 2007. – № 9. – С. 19-22.
8. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 29. – Ст. 3400.

Токова М.Р.

Борьба с рецидивом преступлений

*Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия,
Юридический институт
(Россия, Черкесск)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-53

idsp: 000001:lj-31-05-2017-53

Грозное выражение «рецидив», наводящий панику на законопослушных граждан и благоговейную нервную дрожь на представителей преступного мира происходит от латинского слова «*recidivus*», и означает «возврат, повторное проявление». Мы часто слышим это слово в сводках криминальных новостей. Впрочем, сфера применения этого понятия намного шире: им обозначают рекуррентную волну кризиса в экономике (например, рецидив существенно незапланированного подъема цен), или периодическое возникновение заболевания после очевидного излечения в медицине.

По общему мнению, под рецидивом преступлений понимается вариация повторности. В соответствии с ч.1 ст.18 УК РФ «рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление».

Ядром этого термина служит присутствие хотя бы одной судимости за ранее совершенное умышленное общественно-опасное деяние у лица, привлекаемого к уголовной ответственности за повторно совершенное им преступное деяние. Это условие позволяет отграничить рецидив от совокупности преступлений. Снятые и погашенные судимости, а также судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет, не учитываются при признании рецидива преступлений. Однако неснятые и непогашенные судимости в соответствии со ст. 16 УК образуют признак неоднократности (он как вид множественности преступлений утратил силу). Указание на умышленную форму вины обоих (или более) преступлений конкретизирует понятие рецидива и исключает возможность признания лица рецидивистом в случае совершения им неосторожного преступления или наличия судимости за неосторожное преступление.

Уголовный Кодекс РФ выделяет рецидив, опасный рецидив и особо опасный рецидив преступлений. Одновременно, в криминологии принято различать «легальный» (уголовно-правовой), «фактический» (криминологический), «пенитенциарный» и «постпенитенциарный» рецидив. Считаю, приведенное разграничение, имеет определенную роль для кондиционного исследования характеристик, причин и условий определенного вида рецидива, формированию мер по предотвращению рецидивной преступности. На самом деле, уголовно-правовой и криминологический подход к определению рецидива преступлений значительно различаются вследствие неучета уголовным законом числа судимостей (за преступления небольшой тяжести, совершенные до 18 лет; с условным осуждением/отсрочкой исполнения приговора). Соответственно показатели «фактического» рецидива значительно выше показателей «легального».

Рецидив не усиливает общественной опасности содеянного. К примеру, если особо опасный рецидивист (прежде никого не убивавший) совершит убийство супруги из-за ревности, то от этого общественная опасность такого убийства не увеличивается, а УК РФ это убийство определяет как убийство при отягчающих обстоятельствах лишь потому, что его совершил особо опасный рецидивист. И, следовательно, он в противовес, скажем, от алкоголика, аналогично убившего жену, может быть осужден вместо лишения свободы от 3 до 10 лет к лишению свободы от 8 до 15 лет со ссылкой или без ссылки или к смертной казни.

Возникает вопрос: За что такое несправедливое отношение? Или, почему за нанесение тяжких телесных повреждений несудимый и даже судимый гражданин может быть, как минимум наказан только 3 месяцами лишения свободы, а особо опасный рецидивист как минимум - 5 годами лишения свободы, т. е. в 20 раз строже! Та же самая несправедливость, допускается и при осуждении по другим статьям Особенной части уголовного законодательства, в которых особо опасный рецидив отягчает ответственность. Собственно из этого следует, что так называемая общественная опасность личности преступника в более решающей степени устанавливает размер уголовной ответственности по сравнению с общественной опасностью самого деяния.

Как только не старались обосновать высокую ответственность за рецидив. Но все это не является весомым, поскольку должно функционировать правило: «за одно деяние - одно наказание».

Численность осужденных в России снижается гораздо медленнее, чем в соседних странах. Одной из причин является фактическая ликвидация института условно-досрочного освобождения. Из-за общего снижения преступности в стране число «новых» осужденных уменьшается, а лица, осужденные в предыдущие годы, не могут освободиться досрочно. Если десять лет назад условно-досрочно освобождался каждый второй осужденный, то сейчас – каждый пятый.

Показатель рецидивной преступности среди ранее осужденных лиц продолжает возрастать. Фактором является, преимущественно, низкий уровень эффективности работы уголовно-исполнительной системы. Воздействие недоработки судебной системы несколько меньше, но оно также обнаруживается. Осужденным все еще очень трудно добиться обжалования действий исправительных учреждений в судебных инстанциях.

Заклученные стремящиеся вести законопослушный образ жизни, часто получают неоднократный отказ в условно-досрочном освобождении, что подрывает их веру в справедливость судебной системы и провоцирует возврат к преступному образу жизни. Наблюдается значительная корреляционная связь между сокращением возможностей досрочного освобождения из мест лишения свободы и уровнем рецидивной преступности.

С нашей точки зрения, обостренная общественная угроза рецидивной преступности, вызвана тем, что совершение преступления лицом, прежде привлекавшегося к ответственности за уголовно наказуемые деяния (второй и более раз), доказывает его настойчивое желание вести противозаконную деятельность и дальше, пренебрежение моральных, этических, духовных и нравственных норм, неготовность вести общественно-социальный допустимый образ жизни. Указанные лица интенсивно затягивают в преступную деятельность иных граждан, в особенности из числа подрастающего поколения, формируя преступные, противозаконные группы, в том числе и организованные.

Проблема рецидива у ранее осужденных лиц становится все более актуальным и значимым в ситуациях универсальной редукации преступности и предпринимаемых государством мер по обеспечению и гарантии правопорядка.

Наряду с этим, вопросам модернизации тюремной системы на федеральном уровне уделяется сравнительно большое внимание. В 2010 г. была принята «Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г.», одной из главных задач которой была «сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы, проведение в местах лишения свободы мероприятий в целях адаптации в обществе освободившихся осужденных, в том числе с участием гражданского общества».

Вне зависимости от колоссальных финансовых вливаний государства и роста финансирования, уровень рецидивной преступности продолжает увеличиваться. Это позволяет сделать вывод о том, что проблема заключается не в недостатке финансового обеспечения, а в том, что в настоящем виде уголовно-исполнительная система бесповоротно перестала осуществлять свою главную функцию и задачу исправления преступников и обеспечения их организации к предстоящей естественной жизни в обществе.

Эффективные механизмы контроля за деятельностью тюремной системы также не появились. Обжаловать действия тюремного ведомства обычному осужденному крайне

затруднительно – система закрыта от общественного контроля, прокуратура по надзору за исправительными учреждениями зачастую не реагирует на обращения заключенных.

В ходе нашего анализа было обнаружено присутствие непосредственной обусловленности между уровнем рецидивной преступности и досрочным освобождением осужденных лиц из мест лишения свободы. Наличие подобной обусловленности толкуется тем, что лица, которым неоднократно было отказано в таком акте гуманизма (а зачастую, и справедливости) как условно-досрочное освобождение, более подвержены к повторному, рецидивному совершению преступлений. Для многих заключенных, в особенности уже отбывших длительный срок наказания, сама процедура рассмотрения их ходатайства об условно-досрочном освобождении становится тяжелым моральным испытанием и внутренним экзаменом – он занимает порядком не малое количество времени, которое осужденный проводит в состоянии и обстановке неопределенности и неясности касательно своего будущего.

Ученые и психологи считают, что вопрос рецидивной преступности многообразен и своим социо- и индивидуально-психологическим аспектом, с мнением которых мы согласимся. Преступники-рецидивисты, в большинстве случаев, неординарные личности, с прочным, выносливым характером, обладающие управленческим потенциалом, притягивающие своими качествами и чертами к себе других людей. Впрочем, психологическая обстановка, складывающаяся около рецидивиста, специфична тем, что, личность его, помимо всего прочего, сеет вокруг себя страх, который буквально подавляет и полностью лишает человеческого достоинства людей, слабых характером. Разумеется, мир рецидива безжалостен, духовные ценности в нем перевернуты, цена жизни мизерна. Следовательно, преступления, в которых участвует или которыми руководит рецидивист в основном жестоки, отличаются бесстрашием замысла и исполнения, осторожностью и предусмотрительностью. Затем, как правило, в деятельности приходит затишье или попадание в сферу правоохранительных органов за небольшие преступления. А здесь уже ждет молодое поколение, которые становятся в дальнейшем сообщниками и партнерами.

Мир рецидивистов для специалистов всех областей (юристов, психологов) пожалуй, самый сложный для понимания. Но, по нашеу мнению, понять и воспринять его нереально, так как для этого должна существовать абсолютно другая психология. Но знание закономерностей, по которым он живет - знать надо.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25.
2. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010г. N 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» (с изменениями на 23.09. 2015 г.).
3. Гамзатов, М. Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / М. Гамзатов. - М.: СПб: Санкт-Петербургский Университет, 2016г.

Тулпаров Д.Х.

Уголовно-правовые проблемы преступлений, связанных с организацией и участием в незаконных вооруженных формированиях

*Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия,
Юридический институт
(Россия, Черкесск)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-54

idsp: 000001:lj-31-05-2017-54

Аннотация

Защита от преступных посягательств прав и свобод человека и гражданина, провозглашенных Конституцией Российской Федерации являются на сегодняшнее время наиболее актуальными. Речь идет о создании и деятельности организаций, которые

подрывают стабильность и спокойствие населения, причиняют материальный вред, и в большинстве случаев влекут человеческие жертвы.

Ключевые слова: преступность, бандитизм, незаконные вооруженные формирования, доктрина, уголовная ответственность.

Ст. 13 Конституции РФ запрещает «создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Также уголовную ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования и участие в нем предусматривает Уголовный Кодекс РФ (ст. 208).

В структуре роста преступности определенную долю занимают бандитизм, наемные и заказные убийство, терроризм и множество других преступлений, связанных с совершением вооруженных нападений, совершенных поджогов и взрывов. В приведенной классификации преступлений одну из ведущих ролей можно отвести организации незаконного вооруженного формирования и участия в нем, так как при взаимодействии именно с подобного рода организациями и совершаются большинство тяжких и особо тяжких преступлений.

Сам факт существования незаконных вооруженных формирований ставит под сомнение способность государства устранять создающиеся угрозы жизни и здоровья граждан, общественной безопасности и порядка, а также целостности России. По мере разрастания таких организаций, увеличивается и степень недоверия граждан к государству. Роль государства и органов власти в предупреждении подобного рода деяний и вера народа в них должна основываться на определенной результативности.

Как отметил в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 25.04.2005г. Президент России В.В. Путин «укрепление правопорядка неотделимо от устранения источников террористической агрессии на территории России. Стоит только проявить слабость, мягкотелость — потеря будет неизмеримо больше, и они могут обернуться общенациональной катастрофой».

В доктрине уголовного права отсутствует единообразие мнения относительно того какие признаки характеризуют данный состав преступления. Так, в уголовно-правовой науке существует несколько мнений относительно объекта преступления, предусмотренного ст.208 УК РФ. Так Ф.А. Узбеков в своем исследовании говорит о том, что данный состав преступления является многообъектным. Мнение же Е.А. Маслаковой является для нас более объективным, которая отмечает, что «организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем является однообъектным преступлением, непосредственным объектом которого является общая безопасность, под которой следует понимать совокупность отношений, обеспечивающих состояние защищенности личности, общества, государства от внешних и внутренних угроз». Законодательно, в самой статье 208 УК не предусматривается указание на цель создания незаконного вооруженного формирования, что подтверждает нашу теорию об однообъектности рассматриваемого состава. Объективная сторона данного деяния предусматривает совершение хотя бы одного из указанных альтернативных действий:

- создание вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы);
- руководство таким формированием;
- финансирование этого формирования;
- участие в нем.

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако многие ученые сходятся во мнении, что необходимо и целесообразно снизить возрастной предел для привлечения к уголовной ответственности, так как отмечается высокий уровень совершения преступлений в незаконных вооруженных формированиях лицами с 14 лет. К данному мнению присоединяются и специалисты в области ювенальной юстиции, отмечающие способность 14-летних подростков осознавать фактический характер и степень общественной опасности рассматриваемого преступления.

Субъективная сторона данного деяния выражается в вине в форме прямого умысла. Законодательно в статье 208 УК не предусматривается наличие определенных целей и мотивов, что может служить проблемой в правоприменительной практике. Так, например, основным отличающим признаком организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем от организации террористического сообщества и участия в нем (ст. 205.4 УК РФ), или же от бандитизма (ст. 209 УК РФ), является цель совершения таких действий. Как правило, указанные нами составы преступлений, предусматривают наличие таких целей как:

- осуществление террористической деятельности;
- для подготовки или для совершения одного или нескольких преступлений;
- пропаганды, оправдания или поддержки терроризма;
- нападения на граждан или организации и др.

В организации вооруженного формирования указание на цель отсутствует. Н. Г. Иванов считает, что банда и незаконное вооруженное формирование - это два состава преступлений, которые предусматривают в себе все признаки групп, описанных в Общей части УК РФ, отличающиеся от иных вооруженностью, но очень схожие между собой. «А разве незаконное вооруженное формирование не может планировать нападения на граждан или организации? В то же время разве банда - законное вооруженное формирование?» – задает себе вопрос автор.

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить, что как в теории, так и в практике существуют проблемы квалификации рассматриваемого преступления, а также остаются актуальными вопросы отграничения смежных составов преступлений. Эти вопросы требуют более глубокого и детального научного исследования для соответствующего теоретического разъяснения или правильной реализации этой нормы на практике.

1. Аджиев А. Д. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: уголовно-правовые аспекты противодействия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 23.
2. Иванов Н. Г. Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений // Государство и право. 2003. № 5. С. 45.
3. Маслакова Е. А. К вопросу об организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем // Военно-юридический журнал, 2014, № 3. С.
4. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Щит и меч. 2005.28 апр.—5 мая 2005. С. 1.
5. Узбеков Ф. А. Уголовно-правовые аспекты ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 15.

Цулукидзе А.Ю.

Этнические проблемы суррогатного материнства

*Академия ФСИН России
(Россия, Рязань)*

doi: 10.18411/lj-31-05-2017-55

idsp: 000001:lj-31-05-2017-55

Желание иметь своего, родного малыша - это так естественно! Для любой женщины - даже той, которая, согласно вердикту врачей, не может иметь детей. Но если раньше диагноз «бесплодие» был приговором для супружеской пары, мечтающей о наследнике, то сегодня надежда есть практически в каждой семье. Все благодаря развитию новых вспомогательных репродуктивных технологий. В том числе и суррогатного материнства, отношение к которому в обществе часто очень противоречивое: от полного принятия и одобрения до резкого отрицания. Что же это - зло или благо? Попробуем разобраться.

История суррогатного материнства уходит корнями в глубокое прошлое. Первая известная нам программа так называемого традиционного суррогатного материнства была

реализована почти 4000 лет назад. Эта история описана в Ветхом Завете: Сара, жена Авраама, была бесплодна и наняла свою служанку Агарь, чтобы она выносила ребенка Авраама. «И сказала Сара: вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не родить; войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее». Авраам послушался Сару, и так у них появился мальчик Исмаил - Сара приняла его на свои колени как родного сына.

Подобные случаи описывает не только Библия, но и древнеегипетские папирусы, и эпос Древней Индии. С давних времен проблему бесплодия решали с помощью суррогатного материнства, используя как «сурмам» рабынь и наложниц (такая практика существовала у многих народов, несмотря на культурные и религиозные различия). В общем, судя по всему, суррогатное материнство - практически «ровесник» человечества.

Почему же тогда вокруг этого явления сегодня идут жаркие споры между медиками, религиозными деятелями и «простыми смертными»? Если медицинский аспект этой репродуктивной технологии абсолютно решен (это можно сделать технологически, и это делается), то юридические, моральные и этические аспекты суррогатного материнства еще провоцируют споры и скандалы. Общество разделилось на два противоположных лагеря - существуют как ярые противники, так и те, кто активно поддерживает суррогатное материнство. Противники суррогатного материнства однозначно заявляют, что: суррогатное материнство - это неестественный процесс, и поскольку он не предусмотрен самой природой, он абсолютно недопустимым в человеческом обществе; суррогатное материнство превращает детей в товар, а товар, как известно, продается и имеет свою цену, это довольно дорогая процедура и поэтому только для богатых, а люди, у которых недостаточно средств и которые имеют те же проблемы, не могут воспользоваться нею и т.п. Против суррогатного материнства выступает и православная церковь, сравнивая эту процедуру с грехом и считая ее противоречащей Библии.

Это, в первую очередь, проблема «лишних эмбрионов» и возможность их уничтожения, продажи, злоупотребления, а также ряд других, которые уже являются предметом дискуссии в течение нескольких десятилетий и, надо сказать, они не решены. В последнее время неожиданно встал вопрос инцеста, который может быть спровоцирован ЭКО. Благодаря ЭКО у одного мужчины-донора могут быть сотни детей. Теоретически, число потенциальных детей у одного донора может превысить все население земли. На практике действительно, у одного отца оказываются сотни детей, причем юридически они его потомством не являются. Мало того, эти дети — братья и сестры — не знают о своем взаимном родстве. Если в начале распространения ЭКО их были единицы, то теперь тысячи. Вероятность встречи и брака далеко не равна нулю, а во втором поколении становится еще более вероятной. При этом никто не несет никакой ответственности за возможные последствия, а они могут быть очень серьезными.

Сторонники суррогатного материнства, в свою очередь, отвечают, что современный человек уже давно использует многие вещи, не предусмотренные природой. Самый яркий пример - имплантация больному человеку органов, взятых у других людей. В случае имплантации ни у кого не возникает вопросов о допустимости или недопустимости такой операции и о морально - этической проблеме, возникающей при этом. Это считается правильным и благородным делом. Почему же тогда применение суррогатного материнства вызывает столько дискуссий и вопросов? Чем, по сути, отличается суррогатное материнство от имплантации органов с точки зрения морально-этических норм?

Суррогатное материнство поколебало общепризнанный принцип: мать ребенка - та женщина, которая его родила.

В юридической литературе сложилось три точки зрения на эту проблему. Первая не подвергает сомнению приведенное общее правило. Вторая исходит из того, что ребенку передаются генетические особенности организма, из чьего "материала" он "сделан". Соответственно, мать - женщина, давшая яйцеклетку. Третья точка зрения предлагает компромисс: и биологическая, и генетическая матери имеют юридические права на признание материнства, т.е. за ребенком признается наличие двух матерей. Российский законодатель встал на сторону женщины, выносившей и родившей ребенка (как бы перефразировав русскую поговорку: "Не та мать, что зачала, а та, что родила").

Однако многие авторы полагают, что норма о передаче ребенка заказчиком только с согласия суррогатной матери несправедлива.

При всем сочувствии к женщине-заказчице и ее благородному желанию быть матерью, выбранный ею способ материнства все-таки настораживает. Для нее другой человек становится средством, действительно ничем иным, как оплачиваемым инкубатором. Она пренебрегает всеми теми реальными физическими и психологическими проблемами материнства, которые возникают у нуждающейся женщины, готовой за деньги даже родить ребенка. Она разлучает ребенка с родившей его женщиной, т.е. фактически с матерью, могущей его кормить. Она не хочет общения ребенка с родившей его женщиной. Кроме того, нельзя игнорировать и тот факт, что при ВРТ фактически подсаживают не один, а несколько эмбрионов - два или более. А на определенных стадиях развития лишних, как правило, удаляют. То есть, если мы говорили об абортах как об убийстве нерожденных детей, тут осуществляется еще более изощренное убийство - братьев и сестер ожидаемого ребенка, которые уже начали развиваться вместе с ним в лоне суррогатной матери.

На сегодня ни супруги, ни суррогатная мать не чувствуют себя защищенными со стороны государства.

Перевод процедуры суррогатного материнства из непредвиденного к отлаженному процессу позволит избежать многих проблем и, возможно, основной - низкой рождаемости. Несмотря на наличие сторонников или противников суррогатного материнства, оно существует, и не только существует, но набирает обороты, как в мире, так и в нашей стране.

Еще один главный этический вопрос: скрывать или не скрывать? Ни одно государство не требует от родителей, использовавших суррогатное материнство, рассказывать об этом своим детям. Это будет рассматриваться как вмешательство в личную жизнь и нарушение автономии семьи. Проблема, с которой сталкиваются родители, состоит в том, что они должны решить, лгать своему ребенку или нет. Дети обязательно задают вопросы вроде «откуда я появился?» Как ответить на них, если было использовано суррогатное материнство? Как правило, биологические родители не афишируют тот факт, что их ребёнка вынашивала суррогатная мать, но есть и исключения.

1. Авхадеев И.В. Некоторые вопросы правового регулирования института суррогатного материнства // Право и образование. М., 2007, № 9. С. 151-158
2. Азарова Е.Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы: Монография. М.: КОНТРАКТ, 2012. - 256 с.
3. Айвар Л.К. Правовые основы вспомогательных репродуктивных технологий (суррогатное материнство) // Юридический консультант. 2006. № - С. 6.
4. Александров А.Ф. Соотношение норм семейного и гражданского права при правовом регулировании применения искусственных методов репродукции человека // Правовое регулирование деятельности хозяйствующего субъекта. Самара, 2004. Ч. 3. - С. 8 - 12.
5. Алексеев Н. А. Гей-брак: семейный статус однополых пар в международном, национальном и местном праве./ Н.А. Алексеев. - М.: БЕК, 2002. - 416 с.

Научное издание

Тенденции развития науки и образования

Сборник научных трудов, по материалам
XXVI международной научно-практической конференции
31 мая 2017 г.
Часть 3

SPLN 001-000001-0145-LJ

Подписано в печать 11.06.2017. Тираж 400 экз.
Формат.60x841/16. Объем уч.-изд. л.3.68
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович